Садовник Любви

Рэй Олдридж

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Нелегкая это работа — записать лучшую историю любви. Вначале покупка подходящей невольницы. Со свободными гражданами столько мороки, да и чисто экономически невыгодно. Затем надо раскопать память выбранного объекта, просеять океан пустопорожних воспоминаний, вскрыть гробницы с давно похороненным чувством. Ведь большая любовь такая редкость. Неважно, если она оказалась несчастной, с помощью процессоров можно подправить прошлое. Далее, бережно манипулируя событиями, необходимо взрастить найденное сокровище, чтобы история стала прелестной, заиграла в коммерчески привлекательном свете. И напоследок, подать все так, чтобы даже самое холодное существо смогло понять суть развернутого действия.

Вселенная Дилвермуна вновь гостеприимно распахивает свои врата для поклонников цикла «Освободитель».

Там жарковато, но не так страшны черти, как их малюют.

Благодарность Роману Курмаеву, за интерес к работе и прочее содействие.

Перевод Виталия Дрофина, 2015 год.

Ray Aldridge. The Love Farmer / The Magazine Fantasy and Science Fiction, March 1992

- Рэй Олдридж
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3

Рэй Олдридж
Садовник Любви

Когда-то Эрриэнжел была свободной гражданкой Дилвермуна: богатой, красивой и вполне счастливой.

А потом она очнулась неизвестно где, на какой-то узкой койке, и увидела склонившегося над ней незнакомца с мягким, безразличным лицом.

— О! Вот вы и с нами, — произнес он шепчущим голосом, равнодушно улыбнувшись.

Она попыталась сесть, но мужчина не позволил ей этого, придержав рукой. Он налепил ей на шею наркопластырь, и мышцы Эрриэнжел бессильно обмякли.

— В мои обязанности входит проинформировать вас, что теперь вы собственность корпорации «Особые Инвестиции», дочерней компании «СемяКорп/Дилвермун».

Когда она проснулась в следующий раз, то обнаружила себя в одиночестве.

Прошёл день, за ним другой. Её камера была достаточно уютной, хотя и без особой роскоши. Обстановка включала в себя кровать, которая подстраивалась под форму тела, холоконтур, гигиеническая кабинку и несколько пасторальных пейзажей на стенах. На этих небольших полотнах, написанных в спокойной, обезличенной технике, улыбающиеся юноши и девушки обрабатывали сады, полные цветов и усыпанных плодами деревьев. Все молодые люди были физически привлекательны, и это было более чем очевидно из-за их наготы. Приглядевшись, Эрриэнжел заметила, что на каждом из них надет тонкий невольничий взрыв-ошейник, замаскированный под стильное серебряное украшение. Её передёрнуло, и она отвернулась.

Со всех стен клиновидной комнаты выступали стеклянные хоботки холокамер. В этом, как она полагала, заключалась самая неприятная сторона её заключения — даже сейчас посторонние смотрели на неё и оценивали. Удивительно, но она быстро привыкла к невидимым глазам. Эрриэнжел даже смирилась с той мыслью, что наблюдатели были с ней и в кабинке.

Она попыталась отнестись ко всему философски. Ведь, в конце концов, всё могло обернуться гораздо хуже. Эрбрэнд мог продать её на разборку «мясникам», или одному из торговцев-ксенов, которыми кишели человеческие сектора Дилвермуна. Размышляя над событиями последних дней, она старалась понять,

что заставило Эрбрэнда поступить именно так.

Эрбрэнд… Трудно поверить, что он продал её в рабство только потому, что её перестали интересовать его романтические чувства. Он казался таким воспитанным… совсем не похожим на человека, который мог совершить настолько ужасный поступок. Ведь она и прежде разрывала подобные отношения. Много раз.

Она покачала головой. Эрбрэнд определенно сошел с ума; это единственно возможное объяснение.

Эрриэнжел вспомнила его бледное лицо, чёрные глаза; странный сдавленный звук, который он издал, когда она сказала ему, что не может больше с ним видеться. Она думала, что объяснила своё решение достаточно вежливо и тактично. Конечно же, она старалась соблюсти все возможные приличия… Но в следующую секунду он схватил её за руку. Она решила, что это какая-то отчаянная попытка вернуть её расположение с его стороны, поэтому не пыталась вырваться до тех пор, пока не стало слишком поздно. Он приложил к её запястью инъектор, и холод слабого укола оказалось последним, что она почувствовала, до того как проснулась в этом рабском загоне.

Эрриэнжел подошла к зеркалу в углу, которое само распахнулись серебряными крыльями при её приближении, и критически осмотрела себя. Провела рукой по подбородку, откинула назад густые, медово-золотистые волосы. Потрогала лицо там, где должна была находиться метка её Гражданства. Интересно, как Эрбрэнду удалось так быстро и полностью удалить татуировку. Хотя… он был чрезвычайно богатым молодым человеком, с почти неограниченными возможностями. Обнажила запястье. Чистая, гладкая белая кожа, без каких-либо следов на том месте, где когда-то располагалась припухлость инфоимпланта. Не просто невольница… Рабыня без гроша.

Она решила прекратить думать об Эрбрэнде.

Через неопределенно-долгий промежуток времени послышался звук открывающегося входа, и внутрь прошли надзиратель в чёрной маске и высокий рыжеволосый мужчина. Тюремщик поклонился гостю, а затем удалился, закрыв за собой дверь.

Эрриэнжел с интересом посмотрела на посетителя. На её взгляд, это был привлекательный мужчина, возможно, даже красивый. В движениях мускулистого тела чувствовалась сила. Необычное лицо, вылепленное чуть более резко, чтобы быть безукоризненно изящным: скуластое, с густыми бровями и глубоко посаженными глазами цвета янтаря. Смеющийся широкий рот, волосы необычного огненного оттенка зачёсаны

назад с высокого лба.

— Можно? — спросил он низким приятным голосом, еще шире расплываясь в улыбке.

Она растерянно отвела взгляд. — Вы здесь, чтобы купить меня?

— Возможно. Думаешь, ты будешь хорошим приобретением?

Неожиданно она обнаружила, что ситуация совсем не располагает к веселью. Одно дело — сидеть в одиночестве, в уютной камере, и абстрактно размышлять об институте рабства. И совсем другое — стоять лицом к лицу с человеком, который может стать твоим владельцем, а затем сделать с тобой всё, что пожелает: сдавать в почасовую аренду, распродать по кусочкам клоноделам… или размолоть на корм для зверей, если не угодишь ему.

Всегда прежде в отношениях с миром правила устанавливала она — и это, думала она, был естественный порядок вещей. На её глаза навернулись слёзы. Как же всё могло повернуться так неожиданно и несправедливо?

— Ну, по крайней мере, ты можешь плакать. Хороший знак. Ты удивишься, узнав, как много человеческих существ утратили эту способность. — Мужчина говорил доброжелательно. Эрриэнжел немного взбодрилась от его видимой вежливости. Возможно, ей следует надеяться, что он будет тем, кто купит её.

Повеселев от этой мысли, она попыталась улыбнуться.

Он расхохотался, но совсем не презрительно.

— Да ты к тому же оптимист, — сказал он. — Мне это нравится.

Мужчина сел на кровать и начал молча её разглядывать. Он делал это совершенно непринужденно, словно мог так часам смотреть на неё оценивающим взглядом. На его лице отражались какие-то приятные для него, но непонятные ей эмоции, и она ощутила, что ей каким-то образом бросили вызов.

— Вы знаете моё имя. Скажите, кто вы?

— Да, конечно, — ответил он. — Я был невежлив, Эрриэнжел. Меня зовут Мэмфис.

Она улыбнулась ему, так тепло, как только могла, и внезапно почувствовала себя на знакомой почве. Откинув назад волосы, она прислонилась к стене, выставив бедро — маневр, который, по её твердому знанию, придавал ей соблазнительные очертания.

Кажется, работорговец оценил её умение. Во всяком случае, путешествие его пристального взгляда по её волнующим изгибам, сверху донизу и обратно, было неторопливым, и когда он закончил осмотр, его улыбка стала иной, более интимной и понимающей. Уверенность Эрриэнжел немного подросла.

— У меня было Гражданство, — решилась она на подкуп.

— Вот как? — Без интереса откликнулся Мэмфис.

— Да. Если вы приобретете меня, я гарантирую вам, что это многократно окупится. Всё, что вам нужно будет сделать, это связаться с моей семьёй. — Заломив бровь, она посмотрела на Мэмфиса.

Он продолжил улыбаться, но у неё возникло чувство, что она не сумела достучаться до него.

— Неужели? — спросил он.

Его равнодушие слегка раздосадовало её.

— Да, это в самом деле так. Мой полу-отец — Фактор Ларимоун. Слышали?

Мэмфис посмотрел в сторону и поскрёб подбородок, словно пытаясь припомнить.

Теперь она уже почти рассердилась.

— Вы точно не притворяетесь, что никогда не слышали о Ларимоуне?

Улыбка работорговца погасла, насквозь леденя её запоздалым страхом. Эрриэнжел никак не могла запомнить, кто она теперь. Её накажут?

Но Мэмфис, казалось, не заметил дерзости.

— Вспомнил, — сказал он серьёзно. — Фактор Ларимоун. Конечно. Он умер в Урегулирование, и его корпорация была перераспределена.

Она почувствовала, что не может дышать. Неясная тоска сжала её сердце.

— Ларимоун мёртв? Правда мёртв? Нет, нет… Когда это произошло?

Мэмфис глубоко вздохнул с несчастным видом.

— Я не уверен. Четыреста лет назад? Пятьсот? Не знаю. Прости, что говорю так прямо, но рано или поздно, ты должна узнать правду о своём нынешнем положении.

Мышцы превратились в желе, и Эрриэнжел сползла по стене. Обхватив колени руками, она спрятала в них лицо. Как же так могло случиться?

— Человек, который продал тебя «Особым Инвестициям», внес в контракт условие, что ты проведешь во льду долгое время. Как его звали? — Странно, но сочувствие работорговца казалось искренним.

— Эрбрэнд, — пробормотала она.

— Эрбрэнд. Да. Такое часто происходит при порабощении из мести; это отделяет жертву от возможности спасения, а ход времени вызывает другие неприятные последствия.

— Понятно.

— Сожалею.

Интерес Эрриэнжел к обходительному работорговцу начал падать; к чему притворство, зачем стараться подать себя как очаровательную женщину? Теперь у неё лишь один существенный параметр — товарный вид.

Мэмфис встал на колено рядом с ней, и утешительно положил ей на плечо руку.

— Всё не так уж плохо, Эрриэнжел. Все твои сильные стороны остались с тобой: твоя красота, ум, страсть. У тебя есть всё, кроме свободы.

Он говорил так, словно проник в её разум. Ей стало любопытно: он из расы телепатов, или просто её мысли обычны для всякого, кого только что уведомили, что он отныне бесправный раб?

Она попыталась улыбнуться. Он действительно казался добрым — для работорговца. Затем она задумалась, что за тьма может скрываться за его внешней человечностью, и ей стало страшно.

— Если вы купите меня, то что со мной сделаете?

— Ничего ужасного. Моё решение зависит от одного вопроса. Ты можешь любить?

Она смутилась. В чудных янтарных глазах Мэмфиса явно просматривалось ожидание ответа на этот глупый вопрос.

— Могу ли я любить? Кто-то не может?

— О, да. Это факт, что немногие способны на это. Я не спрашиваю, можешь ли ты притвориться, что любишь; я не рекрутер борделя. Хотя, если я не совершу покупку, несомненно, дюжина секс-брокеров схлестнётся за тебя. Так ты можешь любить?

— Думаю, да. Я любила своего отца. — Ей всё ещё было трудно поверить, что такой энергичный и влиятельный человек как Ларимоун действительно умер.

Мэмфис в нетерпении взмахнул рукой.

— Нет, нет. Это не то, что я имел в виду… совсем не то. Я специалист. Я интересуюсь той разновидностью любви, что полыхает огнем в наших сердцах; которая заставляет нас сгорать ради любимых; которая зажаривает нас в наших собственных соках страсти, пока не закружиться голова от вожделения. И я спрошу тебя снова, ты можешь любить?

Какое-то чрезмерное напряжение проглянуло в почти безукоризненных чертах работорговца. Пожалуй, впервые за время разговора она смогла уловить его подлинные эмоции.

Но, довольно внезапно и извращённо, ей захотелось увидеть на его лице особое выражение; ей захотелось увидеть, как эти

янтарные глаза теплеют.

— Да, — ответила она. — Я могу любить.

Потянулось долгое молчание. Затем Мэмфис улыбнулся, как-то странно интимно.

— Думаю, что поверю тебе, Эрриэнжел.

Итак, он купил её и вывел из невольничьего загона. Когда наружные двери с лязгом захлопнулись за ней, она почувствовала облегчение. Глупость с её стороны, наверно. Еще неизвестно, чего захочет от неё новый владелец. Но, в данный момент, Мэмфис относился к ней с внимательной заботливостью. Он повёл её за руку, не прикрепив поводок к пластиковому ошейнику. Для Эрриэнжел тёплое прикосновение его ладони оказалось скорее приятным, чем ограничивающим, и она заскучала по этому ощущению, когда он выпустил её, чтобы открыть свой тоннельный мобиль.

Машина оказалась роскошной, и её порадовало такое подтверждение богатства Мэмфиса. Хотя она и попыталась уговорить себя быть благоразумнее. Теперь ты просто вещь; необходимо научиться, как вести себя со своим хозяином — совсем иначе, чем с кем-либо другим раньше, — внушала она себе.

Стоило Эрриэнжел устроиться внутри, как мобиль двинулся, следуя запрограммированному курсу.

— Выпьешь? Покуришь? Нюхнешь? — Мэмфис указал в сторону маленького бара, и тот раскрылся, демонстрируя различные эйфориаты.

— Может быть, немного не слишком крепкого вина… — неуверенно предположила она.

Кажется, ему понравился её ответ. Он наполнил бокал каким-то светлым цветочным вином, и повторил для себя.

— Ты сдержанна, и это после столь долгого времени на холоде. Очень похвально, Эрриэнжел. Мы спим во льду, но в наших телах продолжают накапливаться потребности, хотя и не столь заметно.

Она сделала глоток, затем испытующе взглянула на Мэмфиса поверх бокала — зная, что представляет собой сейчас прелестное зрелище. Эрриэнжел ожидала продолжения разговора, но очевидно молчание не доставляло неудобства её хозяину. Он просто смотрел на неё понимающими глазами. В этой игре она ему не соперник, решила Эрриэнжел, и задала мучивший её вопрос:

— Что вы со мной сделаете?

— Ты спрашивала это прежде, и я не ответил?

— Нет.

Откинувшись на спинку обитого бархатом сиденья, он поглядел на неё поверх своего бокала, совершенно явно пародируя Эрриэнжел. Она покраснела и поставила фужер, расплескав немного вина по полированной поверхности столика.

Мэмфис рассмеялся, но не злорадно или унизительно, наоборот, звук его смеха оказался настолько приятен, что мгновенно обезоружил её. Отставив в сторону бокал, он подался вперёд, взяв её руки в свои, и убедительно заговорил:

— Ты знаешь, чем занимается «фермер любви»? Нет? Ну, это то, чем занимаюсь я. Между нами мы взрастим любовь.

Её лицо, должно быть, выдало какую-то необоснованную надежду, потому что он нахмурился и нежно погладил её руки.

— Не так бы мне следовало сказать об этом, но ты красивая женщина, и при других обстоятельствах я счёл бы тебя чрезвычайно интересной. Эрриэнжел, я купил тебя не для себя. Твоя цена чересчур высока для моего кармана, и кроме того… Я никогда не понимал, в чём привлекательность купленных возлюбленных. Нет, я приобрел тебя в собственность от лица фирмы.

На её сердце легла тяжесть, и она опустила взгляд.

— Понятно.

— Ещё нет, — сказал Мэмфис и вздохнул. — Но… будет лучше, если я отложу полное объяснение до тех пор, пока мы не прибудем на место. Тогда всё будет понятнее.

Затем он замкнулся, уклоняясь от её вопросов с помощью очаровательных и не имеющих отношения к делу любезностей.

Они ехали по тёмным тоннелям тысячи километров. Понемногу её беспокойство снизилось, и от слабой вибрации следующего на скорости мобиля её стала одолевать лёгкая сонливость. Потребовалось усилие, чтобы сохранять бдительность.

Через час с чем-то автомобиль снизил скорость, и, пройдя сквозь несколько соединенных наподобие шлюзов тоннелей, прибыл, наконец, к залитому светом прожекторов бронированному входу.

— Вот мы и на месте, Эрриэнжел. Именно здесь мы будем совместно выполнять нашу работу, — сказал ей Мэмфис.

Монументальные, несокрушимые на вид входные врата украшали золотые барельефы, со вставками из платиновых и иридиевых деталей. Изваяния располагались внутри овала,

симметрично разделенного на две части вертикальным стыком ворот. С правой стороны было лицо женщины с милой, ласковой улыбкой, мечтательными, спокойными глазами и цветочным венком на голове. Левая половина демонстрировала мужчину с мрачными чертами лица, чьи волосы спутались вокруг головы с энергией разъяренных змей. Над ожесточенной линией его рта горели выкаченные в безумном гневе глаза.

Надпись, аркой изгибавшаяся над вратами, гласила: «Сад Страстей, Инк». Буквы подсвечивались красным светом, настолько насыщенным, что он казался почти чёрным; цветом железа, охлаждённого в кузне.

Мэмфис нажал кнопку на пульте, и ворота разошлись по центру. Два лика скользнули в стороны, открывая проезд.

Он помог ей выбраться из машины, и она ступила в пустой грузовой ангар.

— Пойдём. Я покажу тебе, где ты будешь жить, а завтра — объясню тебе, чем мы здесь занимаемся.

Мэмфис повёл её через безлюдные коридоры, мимо сотен закрытых дверей, и на протяжении всего пути им никто не встретился. Тишина, царившая во время их следования, внушила Эрриэнжел отвратительные мысли. Не слишком ли хорошая на этой «ферме любви» звукоизоляция? Не затем ли, чтобы заглушить крики истязаемых людей за всеми этими запертыми дверьми?

Он вновь почувствовал её настроение:

— Пожалуйста, Эрриэнжел, не бойся. Я обещаю тебе, ничего плохого с тобой завтра не случится.

Мэмфис казался таким искренним, что она впервые улыбнулась ему от чистого сердца. Он засмеялся:

— Очень хорошо, Эрриэнжел. У тебя восхитительная улыбка, и я надеюсь увидеть её еще много раз, прежде чем мы закончим.

Закончим? Её улыбка дрогнула — но лишь на мгновение.

Мэмфис открыл одну из совершенно одинаковых дверей, приложив ладонь к панели идентификации. Затем пригласил Эрриэнжел вежливым жестом, и она вошла внутрь.

Апартаменты выглядели роскошно. Основная комната в центре планировки оказалась декорирована в непривычном стиле, вся в тёплых тонах и мягких тканях — она еще подумала, что мода изменилась за эти столетия. В жилище также обнаружились кухонька, большая спальня и хорошо оборудованный санузел, с огромной пузатой ванной на когтистых ножках и поблескивавшей золотом сантехникой. Самая зловещая находка располагалась в неглубокой нише рядом со спальней — высокий, обитый стул, оборудованный крепкими ремнями и

множеством датчиков. Над ним находился встроенный в стену широкий экран. Мэмфис подошёл к стулу и нежно похлопал по нему.

— Это ретрозонд. Именно здесь ты будешь выполнять свою работу, Эрриэнжел. Не бойся, я не попрошу от тебя ничего неприятного — только, чтобы ты любила. Звучит не так уж страшно, верно?

— Я не понимаю, — сказала она, кусая губы.

Он легко дотронулся до её руки — жестом, который против воли немного утешил её.

— Знаю. Завтра, когда ты отдохнёшь, я объясню. Ложись спать спокойно. Здесь есть всё, что тебе нужно; ищи в обычных местах: еду — на кухне, одежду — в шкафу. — С этими словами Мэмфис ушёл.

Она не стала проверять дверь. Знала, что та будет закрыта.

Она решила принять ванну, неторопливую, горячую ванну. Возможно, ей удастся, хотя бы ненадолго, смыть неопределенность её новой жизни.

Той ночью Эрриэнжел плохо спала на незнакомой кровати, полностью отличной от того, к чему она привыкла. Сон бередили смутные страхи; наутро все кошмары забылись.

После ванной, где нашлось все необходимое для приведения себя в порядок, из скрытой ниши в стене выкатился домашний мех, который подал ей завтрак в основной комнате. Без аппетита Эрриэнжел перекусила.

Позже она посмотрела представление по холовизору. Неизвестный ей цвето-жокей создавал грубые, кричащие эффекты на полотне из тысяч кривляющихся лиц. Использованные краски произвели на неё гнетущее впечатление — мазня из землистых размывов, тошнотворной зелени и кровавого багрянца. Музыка была соответствующей — пронзительные, повторяющиеся звуки, и вскоре она выключила передачу. Удивительно, как мир деградировал за время её сна во льду.

Выбранная Эрбрэндом месть оказалась еще подлее, чем ей сперва показалось.

Около часа она просидела в тишине, с волнением перебирая воспоминания. Когда появился Мэмфис, у неё так и не случилось никаких озарений. Эрриэнжел всё ещё не могла понять, как же она докатилась до такой жизни.

Его прибытию предшествовал мелодичный звонок. Она подняла взгляд, ожидая, что дверь откроется помимо её желания или нежелания — так же, как это было в рабском загоне, но

вскоре поняла, что Мэмфис ожидает её позволения.

Хороший знак, хотя этот жест вежливости с его стороны и мог быть лишь уловкой профессионала.

— Входите, — сказала она, быстро пробежавшись рукой по волосам.

Мэмфис вошёл, сияя доброжелательной улыбкой.

— Ах, — произнес он с явным восхищением. — Ты так привлекательна этим утром. Не удивительно, что ты так часто была любима, Эрриэнжел.

В его голосе послышалась какая-то странная, непонятная ей интонация. Тем ни менее, в нём по-прежнему не чувствовалось никакой угрозы, и она тепло улыбнулась, показывая, что рада видеть его.

Он нетерпеливо потёр свои ладони, словно согреваясь, и протянул ей руку:

— Пойдём. Пора тебе узнать, чем ты здесь будешь заниматься.

Эрриэнжел приняла её, и Мэмфис деликатно помог ей встать. Он, должно быть, увидел страх на её лице, хотя она и пыталась его скрыть.

— Нет, нет, как я уже говорил, здесь нечего бояться. По сути, почти все желали бы получить возможность, которая выпала тебе.

— Желали бы?

— О, да. Кому не хочется вернуться в прошлое и что-нибудь изменить в нём? — Он рассмеялся. — Нет, у меня нет машины времени — она не существует, насколько я знаю.

Он потянул её в спальню, к стоящему в нише высокому креслу. По команде с вмонтированного в стену терминала сидение скользнуло вперёд, и над ним нависла упряжь нейрооборудования.

— Не сядешь?

Эрриэнжел помедлила, не в состоянии сказать, что же её так пугает. Вопреки наружности, навевающей мысли о пыточном кресле низкотехнологичных палачей из холодрам, материал обивки сидения и его пластиковые детали выглядели новыми и чистыми, а ремни — широкими и мягкими.

— Пожалуйста… — прошептала она.

— Хорошо, — сказал спокойно Мэмфис. — Я покажу. А ты — смотри.

Он поудобнее устроился в кресле. Кивнул, посчитав себя готовым, и в этот момент ремни обернулись вокруг его груди, запястий и лодыжек. Одновременно стала опускаться нейросбруя, накрывая чёрным пластиковым колпаком его лицо — до продолжавшего еще какое-то время улыбаться рта.

Затем его улыбка умиротворенно разгладилась, а экран над креслом ожил пеленой хаотичного разноцветного кружева.

Когда экран прояснился, Эрриэнжел увидела сцену в лесу: древние, причудливо изогнутые деревья, растущие среди покрытых мхом чёрных валунов, между которыми змеился узкий ручеек. По холодному, рассеянному свету она предположила, что перед ней один из экосимов — маленький кусочек тщательно воссозданной дикой природы, глубоко под стальным панцирем искусственной планеты — отличительный признак богатого анклава.

Какое-то время вид оставался статичным, а затем ожил — вода потекла, ветви деревьев заколыхались под стонущим ветром. Ярко-зелёная инфополоса внизу экрана вспыхнула словами: «МНЕМОНИЧЕСКАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ: ПОДТВЕРЖДЕНО». В тот же момент к Эрриэнжел прикоснулось поле полной чувствопередачи, и она задрожала — и от холодного ветра, и от какого-то порождающего страх ощущения, которое он нёс с собой. Комната вокруг неё расплылась, хотя мигающая надпись осталась чёткой, и Эрриэнжел затянуло в мир на экране.

Поле зрения расширилась, и она увидела стоящего рядом с глубокой запрудой маленького мальчика. Он показался ей знакомым, хотя она была уверена, что прежде никогда его не встречала. Возможно, лет девяти, с бледной кожей и волосами приметного огненного оттенка. Он улыбался ей, очень неприятно улыбался. Слишком его улыбка была широкой, понимающей и, каким-то неуловимым и беспокоящим образом, пугающей.

— Давай, — сказал мальчик. — Посмотрим, чей лучше.

Голос принадлежал ребёнку, но Эрриэнжел едва не передёрнуло от отвращения.

Она узнала Мэмфиса — эти тонкие черты исключали ошибку. Или это не он? Было что-то невыносимо мерзкое в этом детском лице… Хотя трудно указать, что же именно её так ужасало.

Мальчик резко дёрнул поводок, который держал за петлю в руке. Маленькое, жалко выглядящее существо медленно вышло из-за валуна. Оно так ссутулилось, что Эрриэнжел потребовалось время, чтобы опознать в нём мёрлинда, созданного биоинженерией домашнего питомца. Мёрлинды были популярны в анклавах, когда она была ещё ребёнком. В их телах содержался пластичный инопланетный протеин, который позволял изменять почти мгновенно их физическую структуру, в чём и заключалась их развлекательная ценность. Мальчик вытащил из кармана

модуль управления.

С её точка обзора заговорили, и она вновь уловила отголоски чувства отвращения и страха.

— Нет, Тэфилис. Я не хочу так больше играть. — Новый голос тоже был детским, и почти одинаков с первым, за исключением того, что казался очаровательно обеспокоенным и совсем не злобным.

— Но ты будешь. — Противный мальчишка пробарабанил по кнопкам на пульте, и, выпрямившись, его мёрлинд начал меняться.

Эрриэнжел ощутила некоторое сомнение. Её точка обзора назвала ребёнка Тэфилис, не Мэмфис. Что происходит? Она покачала головой.

Внизу, на инфопанели, вспыхивало всё то же сообщение.

Меняющийся мёрлинд вначале представлял собой маленькое, пухлощекое животное с курчавым, коричневым мехом и большими, тёмными глазами. Но затем его тело начало расти вверх, мех втянулся, кожу покрыли твёрдые, синие чешуйки. Челюсти увеличились и удлинились, и он зашипел, открыв рот, полный изогнутых, жёлтых зубов. Показался гребень жёстких шипов зеленого цвета и сегментированный хвост, который оканчивался жалом, сочащимся ядом.

— Нет, правда, Тэфилис, пожалуйста… Я не хочу, — сказала её точка обзора дрожащим голосом. Транслирующиеся от неё чувства сдавили Эрриэнжел между ненавистью и ужасом. Она физически ощущала этот страх — живот как будто скрутило.

— Думаешь, мне не насрать, чего ты хочешь, Мэмфис? — мерзко засмеялся Тэфилис и существо, которое он создал, натянуло поводок. — Давай, я медленно досчитаю до двадцати, чтоб ты сделал своего мёрлинда, а потом спущу Костяка. Не тормози!

Её точка обзора посмотрела вниз, на пушистого безобидного мёрлинда, съёжившегося у ног.

— Времени не хватит, Тэфилис!

— Класс. Один, два…

Неуклюжие пальцы затеребили модуль управления, неуверенно нажимая пиктограммы.

— …четырнадцать, шестнадцать…

Ближайший к Эрриэнжел мёрлинд начал меняться, отращивая слоя брони и длинные когти, но медленно, слишком медленно. В блестящих глазах зверька, направленных вверх, на своего хозяина, виделся страх и замешательство.

— …восемнадцать, девятнадцать…

— Стой; мы не готовы…

— Двадцать. — Тэфилис наклонился и отстегнул поводок.

— Нет! — Но затем сбивающее с толку спокойствие снизошло на её точку обзора: рука опустилась в карман и вытащила осколочный пистолет, который был взят сегодня утром из маминого арсенала.

Той частью своего сознания, которая всё ещё осознавала себя как Эрриэнжел, она заметила, что инфопанель внизу стала ярко-малиновой, засверкав новым сообщением: «МНЕМОНИЧЕСКАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ: ОТКЛОНЕНИЕ».

Её точка обзора направила пистолет на монстрика, который ринулся к её всё ещё беспомощному питомцу, и нажала на курок. Крутящиеся проволочки тренькнули в воздухе и разорвали существо на куски. Большая часть останков отлетела назад, и они плюхнулась в запруду, продолжая подёргиваться в проточной воде.

С мёртвенно-бледным лицом и сыпью ярости, запылавшей на скулах, Тэфилис злобно посмотрел прямо на Эрриэнжел.

— Ты сжульничал, ты, мелкая сопля. Я заставлю тебя пожалеть об этом!

— Я уже жалею. Но я не мог позволить тебе убить Джэкрэта, как ты убил Тобита. Мама купит тебе другого мёрлинда. Не сходи с ума.

Её точка обзора подошла к запруде и посмотрела вниз, на воду. Ленты крови лениво текли по течению. Рябь прекратилась, и она увидела там отражение маленького, серьезного лица, почти идентичного с жутким Тэфилисом.

— Мэмфис, — прошептала она. — У тебя есть близнец? Бедный Мэмфис.

* * *

Экран потемнел, и колпак ретрозонда поднялся с лица Мэмфиса. Он выглядел немного побледневшим, на лбу застыли блестящие капли пот.

— Извини. Сам не хотел ковырять это воспоминание.

— Этот мальчик… это был твой брат? Твой близнец?

— Да. Теперь он мой партнёр. Мы с ним вдвоем главные акционеры «Сада Страстей».

— Он здесь? — Она почувствовала, как по ней пробежала волна страха. Этот монстр — здесь?

С лёгкой грустью Мэмфис улыбнулся:

— Боюсь, что так. Он по-своему талантлив; в любом случае, он мой брат, поэтому я должен принять его, таким как он есть. Ну, хватит о Тэфилисе. Ты поняла, что происходило во время ретрозондирования?

— Не уверена.

— Я поясню. Это было воспоминание из моего детства — до определённой точки. После неё — фантазия. — Его взгляд помрачнел, и он опустил глаза. — В тот день у меня не было осколочного пистолета, и Костяк убил Джэккрэта. Так же, как он убил и последующих двух мёрлиндов, которых мне подарили, пока я не научился не желать их больше.

— Это ужасно.

— Это было давно, Эрриэнжел. — Он встряхнулся и улыбнулся. — Суть в том, что ретрозонд позволяет вернуться в наши воспоминания и что-нибудь поправить: нерешительность в нужный момент, излишнее невезение, своё отношение, возможно. Что-нибудь. А потом мы смотрим, как это могло быть. Как это могло быть… Понимаешь?

— Понимаю. Но… Причём здесь я? — Она казалась искренне озадаченной. Вся её предыдущая жизнь была удивительно свободной от огорчений, ей не хотелось бы менять в ней ничего. За исключением своего порабощения, конечно.

На его точёном лице появилось выражение отстранённой печали. Внезапно ей стало очень неуютно.

— Почему ты так на меня смотришь?

Он осторожно взял её за руку.

— Эрриэнжел, подумай вот о чём. Тебе посчастливилось быть любимой множество раз. Почему так много?

— Не знаю, о чём ты. — И она не знала, но почувствовала обвинение в его вопросе.

— Я о том, что случилось с тобой. Почему ты никогда не предпочитала остаться со своими возлюбленными?

— Что за странный вопрос. Никто не остаётся вместе вечно, разве не так?

С нотой грустного изумления Мэмфис мягко рассмеялся:

— Вспомни, что я сказал перед тем, как купил тебя, Эрриэнжел. Что очень немногие могут любить.

— Но я любила! Любила! Это не моя вина, что всегда что-нибудь случается и ведёт к переменам в жизни. — Она поразилась, обнаружив себя всю в слезах.

— Ну-ну, — сказал он успокаивающе. — Мы можем это исправить — под зондом.

По её щекам текли мокрые дорожки.

— Но почему? Почему ты делаешь это?

Он сначала удивился, а затем принял сокрушенный вид.

— Ты права. Я действительно ещё не объяснил. Ну, так слушай. Я художник, творец. Моё призвание — создание любви. — Он улыбнулся выражению её лица. — О нет, не физический акт, Эрриэнжел. Нет. Для меня это слишком прямолинейно и ограниченно; к тому же это поле чересчур перепахано. Каждый в этом эксперт, верно? Нет, моё поприще иное.

— Я записываю великую любовь, великую и подлинную любовь. У меня мало конкурентов, и еще меньше равных мне. Любовь всегда в моде, всегда ходкий товар. Мало кто может по-настоящему любить, но всем любопытно, и наибольший интерес вызывает вот что: каково это, быть по-настоящему любимым? Ну и я нахожу кого-нибудь вроде тебя: того, кто красив, мил и явно привлекателен, а затем извлекаю воспоминания о любви всей его жизни. В завершении, я монтирую записи в сенсочип, который становится квинтэссенцией одного из сильнейших переживаний, на которое только способен человек.

— Но… Почему я? Ты же сам сейчас сказал, что я никогда не любила. — Внезапно ожегшая её горячая обида пополам с возмущением высушила её глаза. — По крайней мере, не по твоими стандартами.

— Не имеет значения. Ну, или я надеюсь на это. У тебя есть все необходимые качества, Эрриэнжел. Ты была богата, что уже делает твою прошлую жизнь недосягаемой мечтой для большинства в Пангалактике. У тебя было полно свободного времени, чтобы не отказывать себе в чувственных отношениях. Ты родилась красивой, всегда была красивой — и знала это, что придает твоим воспоминаниям безупречный эстетический вкус; ощущение, по которому остальные изголодались. — С вежливой церемонностью он поцеловал ей руку. — Под зондом мы найдём и исправим то, что пошло не так.

— Я не знаю, — неуверенно сказала она.

— Нет, нет. Не бойся. И запомни, если ты дашь мне то, о чём я прошу, то вернешь себе свободу.

Она боялась поверить ему, и её сомнение в его словах оказалось заметно.

Он улыбнулся.

— Никакого альтруизма, Эрриэнжел. Когда я издам чип, ты станешь знаменитой. Свобода еще больше увеличит твою славу, Первоначально, твоя известность будет строиться на популярности записи, но затем уже твоё собственное реноме поспособствует продажам продукта. Компания, конечно же, получит выгоду от такой взаимосвязи. Паблисити важно всем, в

том числе и творцам, если они не хотят умереть от голода ради своего искусства. — Мэмфис скривился, словно обнаружив несовершенство бытия.

Когда он ушёл, она уже ожидала своей первой вылазки в прошлое.

Расположившись в креслах, братья наблюдали из контрольной комнаты. На экране, напряжено выпрямив спину и едва сдерживая ужас на прелестном личике, в ретрозонде сидела Эрриэнжел.

— Мог бы подобрать не такое пугающее воспоминание для моей демонстрации.

Тэфилис пожал плечами.

— Большого вреда ведь не случилось, хм? — Он развернулся к Мэмфису.

— В любом случае, она жалкий выбор для тебя, брат. Могу побиться об заклад.

Мэмфис коснулся управляющей панели, и колпак зонда скрыл лицо Эрриэнжел.

— Спор? На что?

Тэфилис хищно блеснул белозубой улыбкой:

— Шестинедельный доход, и, как обычно, часть акций из твоей доли переходят ко мне — если ты потерпишь с ней неудачу. То же самое тебе, если я ошибся. И просто чтобы сохранить твою гордость — у тебя только три попытки.

— Идёт, — без раздумий согласился Мэмфис, сосредоточив своё внимание на главном экране зонда.

— Ах, — довольно усмехнулся Тэфилис. — Тебе никогда не выиграть это пари. Интересно, почему ты продолжаешь пытаться спорить со мной? Однажды всё наше наследство будет моим. Но не беспокойся, брат. Я всегда придержу тебе местечко.

Она ощутила, как опускается сенсорная маска, накрывая её лицо. В темноте Эрриэнжел почувствовала на миг полную дезориентацию, а затем оказалась где-то далеко и очень давно…

Она обнаружила, что идёт в одиночестве по знакомому коридору, слыша шум, с которым школьники устраиваются на учебных местах. Она немного опаздывала, но это её нисколько не беспокоило. Учителя подождут, никто не осмелится сделать ей замечание.

Ей тринадцать, возраст жгучего любопытства к изменениям в собственном теле, вызванных процессом превращения в женщину.

Её превосходная во всех отношениях школа, расположенная в закрытом хабитате одного из нижних уровней — одна из лучших на Дилвермуне, а её жизнь — прекрасна. Ничего общего с каким-нибудь неуклюжим закомплексованным подростком, неуверенным в своей ценности.

Она приостановилась на пересечении коридоров полюбоваться на себя в зеркало на стене. На теле расцветала точно подобранная по оттенкам весенняя листва, а наметившуюся девичью грудь её стилист искусно подчеркнул лёгкой ореховой тенью. Светлые волосы, сплетённые в ажурные косы, спиралями опускались за спину. На ногах тапочки из серебряных чешуек с изящными гранатовыми пуговицами.

— Совершенство, само совершенство, — искренне радуясь, сказала она, выполнила грациозный полу-пируэт и вздрогнула, увидев мальчика постарше, который благоговейно взирал на неё.

Юноша немедленно отвернулся и, к её недоумению и досаде, решительно зашагал прочь.

Фыркнув, она пошла дальше, отчего-то притихнув.

Время моргнуло, и её перенесло в следующий день. Шёл разговор с подругой.

— Я обернулась, и он сразу притворился, что не пялился на меня. Вот умора.

Лоялуиз, нынешняя лучшая подруга Эрриэнжел, была дурнушкой. Вина её старомодных родителей, не дававших дочери вылепить из себя двойника Эрриэнжел. Но девочка не унывала, компенсируя заурядную внешность живым нравом и быстрым умом. Это позволило ей завести себе почти столько же друзей и поклонников, сколько и у Эрриэнжел.

— И кто это был? — спросила Лоялуиз.

— Не знаю.

— Красавчик?

Эрриэнжел задумалась.

— Постарше нас. Невысокий, смугленький. Волосы черные, прямые. На лицо симпатяжка, если бы улыбнулся.

— А как одет?

— Не обратила внимания.

Лоялуиз постаралась скрыть улыбку.

— Ну, ты вечно так — никогда ничего не замечаешь. Слишком богатая. Но поспорю, что его одежда была ношенной. Думаю, ты говоришь о новеньком, поступившем к нам по программе благотворительности. Кажется, его зовут Гэрсо-Яо. — Ежегодно школа дарила возможность обучения одному ребёнку из множества войградов[1] Дилвермуна. Некоторые из таких стипендиатов впоследствии сделали выдающуюся карьеру;

большинство же вернулись в тёмные коридоры.

Эрриэнжел сразу заинтересовалась. У неё никогда не было поклонников-бедняков. Фактически, она и не знала никого из таких людей. Любопытно, как это — с нищим? Годом ранее, когда она впервые выказала интерес в этом направлении, её полу-отец нанял для неё эксклюзивную службу секс-обучения. Ей понравилась практика с приходящими на дом привлекательными молодыми мужчинами и женщинами, но их бесстрастная техничность начала уже надоедать. Хм, правда ли, что бедняки занимаются любовью возбуждающе грубо? А вот то, что их удовольствия такие неискушенные — делает ли это наслаждение сильнее из-за их простоты? И почему Гэрсо-Яо ушёл так поспешно?

— Я его спугнула? — озвучила она свои мысли.

Лоялуиз засмеялась.

— Может быть. Или у него просто нет на тебя время. Я слышала, он такой серьёзный трудяга. Всё время учится. Полон решимости. Ну, ты поняла.

— Ясно.

Время провернулось на неделю вперёд.

Почти ночь, она в безлюдном, просторном помещении сенсориума. Освещены лишь несколько боксов, занятых сверхусердными учащимися. В одной из кабинок она увидела на ложементе Гэрсо-Яо, погруженного в вирт. Его глаза были закрыты, отсутствующее лицо смягчали какие-то непонятные эмоции. Ей стало интересно, где он и на что смотрит. Его рот был хорошо очерчен, за губами блестели крепкие, очень белые зубы. Незаметно для себя она очутилась внутри кабинки, склонённой у изголовья. Кончики пальцев провели по его упругой, темной коже, очерчивая резкие скулы. Мистическим образом её действия получили бессознательное одобрение юноши, усиливая этим что-то и без того невыносимо интимное, что было в этом прикосновении.

Эрриэнжел оглянулась, бросая взгляд наружу. В зале по-прежнему без движения, никого нет и в прозрачной будке проктора у дальней стены. Возможно, смотритель вышел за чашкой стимулятора, чтобы справиться с долгими часами, оставшимися от смены.

На Гэрсо-Яо была белая рубашка, распахнутая у горла. Грудная клетка гротескно широкая, словно его предки прибыли на Дилвермун из какого-то мира с разреженной атмосферой. Её руки скользнули за ворот, дотронулись до его ключиц, врезанных

в переплетение мышц.

Ещё раз мельком выглянув в зал, Эрриэнжел сбросила блузку. Оседлала Гэрсо-Яо. Расстегнула ему рубашку. Сердце бешено колотилось, полное веселья и страха от собственной смелости. Никакой четкой идеи, что она собирается делать, у неё не было — обычное следование мгновенному импульсу, её стандартная и комфортная манера поведения.

Но что же дальше? В действительности, она не хотела его будить; её желанием было всего лишь добавить чуточку содержания своим бесформенным фантазиям. Она наклонилась вперёд и легла грудью, положив голову ему на плечо.

От него шел едва заметный запах пота, совсем не агрессивный. Она закрыла глаза и перенесла на него побольше веса.

Мэмфис смотрел из её глаз, пока она их не закрыла. Затем он переключился на вид сверху, который отодвигал, пока они оба не заполнили экран: её стройное, бледное тело, обведенное его чернотой. Здесь он ненадолго поставил на паузу, а потом продолжил поднимать смоделированную точку обзора, пока Эрриэнжел и Гэрсо-Яо не стали неясным пятнышком в геометрическом лабиринте сенсориума; единственными двумя, делящими это обширное, пустое пространство.

— Славный кадр, — сказал Тэфилис с обычной насмешкой в голосе.

Мэмфис не отреагировал на подначку. Эрриэнжел дала ему этот образ, но именно его талант подсказал, как смысл этого эпизода донести до тех, кто однажды прочувствует эту любовь… Или прояснить его значение настолько, насколько это возможно, для тех, кто вообще не способен любить. Тэфилис принадлежал к таким несчастным, хотя и знал толк в ненависти.

— Мэмфис, она лишь ребёнок, и притом удивительно неискушённый во всем этом. Зачем ворошить такое незрелое переживание? Во что это может перерасти, кроме какой-нибудь патетичной щенячьей любви?

— Ты эксперт в одном, я в другом, — ответил Мэмфис, не отворачиваясь от экрана. Подчиняясь его команде, сцена в сенсориуме медленно поблекла.

— Конечно, — безмятежно кивнул Тэфилис, поднялся и вышел.

Тесно прильнувшая к Гэрсо-Яо Эрриэнжел почувствовала

слабое шевеление, с которым он начал выходить из инфопогружения. Это сразу привело её в замешательство; она вовсе не собиралась валяться на нём до его пробуждения. Эрриэнжел подняла голову, так что его лицо оказалось прямо перед ней.

Прежде чем она надумала, что же ей делать дальше, его веки затрепетали, и он очнулся, слепо щурясь расфокусированным взглядом. Затем его зрачки прояснились, и юноша осознал, что находится не в одиночестве. Он судорожно попытался отодвинуться назад, и, каким-то защитным, рефлекторным движением, крепко стиснул её в руках. Ей перехватило дыхание.

На какой-то момент оба замерли. Он глядел на неё снизу вверх, постепенно разжимая объятье. Она, не отстраняясь, расслабленно лежала на нём и пристально смотрела в глаза. На его смуглом лице проступил слабый румянец. Она попробовала представить себя на его месте: ощущение тепла её маленькой груди, давление её коленей, обхвативших его бёдра. О чём он думает?

Его глаза, которые вначале казались чёрными, непроницаемыми камушками, изменили выражение. Что-то высвободилось; запоры пали. Его руки снова обхватили её.

В ней возникло иное, чем ранее, возбуждение.

— Да, — сказала она. — Но не здесь.

Мэмфис передвинул временную отметку еще на неделю вперёд. С вызовом сложив руки на груди, Эрриэнжел стояла посреди своей гостиной, голая и очаровательно взъерошенная после занятия любовью. У дверей мялся Гэрсо-Яо, явно испытывая дискомфорт.

Мэмфис вывел отдельный план над роскошной мебелью и искусно сделанными игрушками, которые заполняли комнату. Фокус он настроил так, что обстановка расплылась до красочной абстракции богатства и блеска драгоценностей.

— По-че-му? — с напором отчеканила Эрриэнжел.

Мэмфис переключился на вид из глаз.

Она не могла понять упрямства Гэрсо-Яо. При всей любви к нему — не могла понять. Она богата, он беден — это ведь данность, так почему бы просто не принять с благодарностью её помощь?

Он пожал плечами.

— Я же объяснил, Эрриэнжел. Спасибо тебе за предложение,

но, если я приму твои деньги, это ослабит меня. В любом случае, тебе не следует беспокоиться. Мои нужды не велики, школа вполне удовлетворяет их.

— Хорошо, — сказала она сердито. — Допустим… Хотя, я не могу представить, как приличная одежда и хороший датафон способны так уж фатально тебя развратить. Но почему ты не хочешь жить со мной здесь?

Он быстро огляделся, как будто составляя опись комфорта вокруг.

— Я не могу рисковать. Так легко привыкнуть… ко всему этому. — Он покачал головой. — Знаю, тебе кажется это глупым. Но там, где я родился, преуспевают только сильнейшие. — Он вздрогнул, с выражением страха и отвращения. — Это ужасное место, Эрриэнжел. Мне нельзя возвращаться. Я не буду подвергать опасности свою нынешнюю возможность вырваться оттуда. — Его лицо смягчилось. — Я уже ввязался в авантюру, влюбившись в тебя, и вообще приходя сюда. Мне придется настоять на том, чтобы мы встречались в моем жилблоке. Конечно, я понимаю, что хочу от тебя слишком многого, и ты можешь отказаться.

Затем он ушёл.

Идиот, подумала Эрриэнжел с нежностью. Гэрсо-Яо оказался чрезвычайно интересным, совершенно не похожим на прочих её друзей. Будто она влюбилась в инопланетянина. Он рассказывал ей странные истории о своём ненормальном детстве в коридорах войграда, пел незнакомые песни сладкозвучным тенором; со своим ненаигранным энтузиазмом и непроизвольным выражением чувств был таким возбуждающим в постели…

Эрриэнжел ощутила приятное удивление от собственной смелости в выборе столь необычного любовника.

— Ты редкость, — прошептала она, в той же мере обращаясь к себе, что и к Гэрсо-Яо.

Мэмфис размножил её воспоминания на независимые потоки, и промотал реальные события на месяц вперёд. По всем показателям, приближалась главная точка бифуркации; панель управления мнемозондом сверкала предупреждениями.

Он посмотрел, как Эрриэнжел жалуется своей подруге.

— Да что с ним такое?

— Боится, что должен будет вернуться туда, откуда появился. Разве он не рассказывал про войград?

Внешне Лоялуиз казалась совершенно безразличной к проблемам влюбленной парочки. Но, наблюдая эту сцену со

стороны, Мэмфис заметил под маской снисходительности лёгкую зависть: опять Эрриэнжел выпендрилась, первой поставив эксперимент с этим старомодным чувством, любовью.

— Так как мне поступить?

Лоялуиз пожала плечами.

— Он страшится нищеты, верно? Сделай вклад на его имя, чтобы его жизнь всегда была обеспеченной, независимо от того, как обернётся его обучение.

Эрриэнжел заулыбалась.

— Конечно! Почему я сама об этом не подумала?

— Потому что ты плаваешь в богатстве, как рыба в воде, и не замечаешь, что тебя окружает. Для тебя это естественно, как воздух, которым дышишь.

Прошло несколько дней. Эрриэнжел и Гэрсо-Яо делили на мятых простынях фужер сладкого белого вина.

— У меня есть сюрприз, — сказал она, отставив бокал в сторону, и достала миниатюрный датафон с прикроватной тумбочки. — Вот.

С упрямым выражением на лице, он осторожно взял устройство.

— Я не могу принять это, Эрриэнжел.

— Да не гаджет, дурачок. Смотри!

Она коснулась пластинки датафона, и экран засветился подробностями сделанного ему дара.

Его глаза расширились, рот раскрылся в изумлении.

— Теперь ты тоже богат, и тебе никогда не придётся вернуться в войград, чтобы ни случилось! Разве это не чудесно?

Он молча посмотрел на неё снизу вверх. Его реакция не очень понравилась Эрриэнжел. Конечно, она его удивила, но также проглядывала и какая-то глубокая обида. И отчего так произошло?

Вернулся Тэфилис.

— О, да, — произнес он поверх плеча брата. — Её первая большая ошибка… Но не случись это сейчас, она нашла бы другой способ все испортить. Я знаю таких; она одна из моих.

— Не в этот раз, — уверенно сказал Мэмфис, и, в поиске подтверждения своей правоты, ускоренно прокрутил закат её первого романа.

Гэрсо-Яо попытался вернуть деньги, но Эрриэнжел оказалась достаточно сообразительной, чтобы сделать передачу средств необратимой, а основную сумму неприкосновенной.

Поначалу её радовало, как Гэрсо-Яо принял перемену судьбы.

Он принялся щедро тратить на благотворительность, на вычурные подарки для неё, на развлечения для новых друзей. Тем более что его доходы казались ему просто огромными.

Но затем новоявленный богач медленно пришёл к пониманию того, что те мотивы, которые ранее составляли стержень его существования, стали неуместны.

И Гэрсо-Яо изменился в очень странного молодого человека.

Конечно, он бросил школу. Его досугом стали эксперименты с самыми модными и дорогими пороками: псевдосмертью, зверятничеством и другими. Подобные чипы позволяли напрямую стимулировать центры удовольствия или испытать необычные ощущения. Он снял апартаменты в квартале Бо'эма, который облюбовали представители авангардного искусства и их прихлебатели; начал одеваться в потрясающе экстравагантном и безвкусном стиле. Все своё тело он покрыл мрачными татуировками — кричащие лица, расчленённая плоть, орудия пыток — так, что Эрриэнжел почувствовала растущее нежелание брать его в постель. Постепенно её интерес к нему таял, и Гэрсо-Яо превращался в помеху.

Единственное, что сохранилось неизменным, это его сильная привязанность к Эрриэнжел. Когда она отказалась видеться с ним, сменила школу и статус его доступа в дом, он завершил свою несуразность финальным актом.

Однажды ночью дружки нашли его висящим на шёлковом шнуре, снаружи бронированного порта её жилища. Она уезжала на несколько дней, и тем самым оказалась избавлена от вида его раздутого, черного лица.

Какое-то время её мелодраматичная печаль была безмерна, но затем Гэрсо-Яо превратился в слегка грустное, романтическое воспоминание.

— Холодная, — констатировал Тэфилис.

— Она была так юна, — устало сказал Мэмфис.

— Конечно.

Лоялуиз пожала плечами.

— Он страшится нищеты, верно? Сделай вклад на его имя, чтобы его жизнь всегда была обеспеченной, независимо от того, как обернётся его обучение.

Внезапно Эрриэнжел почувствовала искажение в восприятии, какое-то смещения. Она потёрла виски, и это ощущение пропало.

— Что? — спросила она.

— Дарственная. Тогда деньги не встанут между вами.

Эрриэнжел поглядела на подругу, и увидела в её

непримечательном лице что-то, чего никогда не замечала прежде. Зависть? Лукавство?

— Не уверена, что это будет хорошей идеей, — протянула она. — Но я подумаю об этом.

Лоялуиз поджала тонкие губы.

— Жадничаешь? Ты? Вот уж не ожидала.

— Что за глупости. Не в этом дело.

Эрриэнжел изучила своим новым зрением Лоялуиз, и решила, что ей не нравится то, что она видит. Совсем.

Мэмфис просмотрел измененное процессорами прошлое Эрриэнжел.

Некоторое время всё шло хорошо. Гэрсо-Яо продолжал учиться и преданно обожать Эрриэнжел. Она сама верила, что всё глубже погружается в свою любовь всей жизни.

Во псевдо-воспоминаниях минул месяц. Действие начало закисать. Они стали чаще ссориться. Гэрсо-Яо по-прежнему рассказывал свои странные истории, но уже повторяясь. Её обижал недостаток внимания — слишком уж много, по её мнению, он уделял времени учёбе. Какой смысл быть молодой, красивой и влюблённой, если она не может пойти туда, где завистливые глаза увидят её?

Эрриэнжел всё чаще кривилась, с видом надутого недовольства, Гэрсо-Яо похудел и стал излишне напряженным.

— О, да, — прокомментировал Тэфилис.

Его брат попытался скорректировать ход событий обратно в гладкое русло, но процессоры приблизились к перегрузке.

— Да ты жульничаешь, — засмеялся Тэфилис.

— Заткнись, — без жара отмахнулся Мэмфис. — Это только первая попытка. Чего ты ожидал?

Вечером, после того, как Эрриэнжел приняла ванну, пообедала и отдохнула, её хозяин зашёл к ней показать получившийся трек. Они устроились рядом на диване, почти касаясь друг друга. С потолка опустился сенсоэкран.

— Ты найдёшь это интересным… И, возможно, поучительным, — произнес Мэмфис бесцветным голосом.

Когда она впервые увидела Гэрсо-Яо, и затем себя, лежащую на нем в боксе инфопогружения, слёзы затуманили её взор. Воспоминания кольнули сладкой горечью.

— Это было так давно. Я уж и забыла.

— Вовсе нет, — заметил Мэмфис. — Всё находилось сразу

под поверхностью.

С чёрными кругами под глазами, он выглядел немного осунувшимся.

Её сердце ёкнуло от сочувствия, но тут же она раздосадовано покачала головой. Мэмфис рабовладелец. Он использует в своих целях самые интимные мгновения её жизни, так зачем ей переживать за него? Её внимание вернулось на экран.

Когда запись достигла точки исправления, во время сцены с Лоялуиз, Эрриэнжел уже хотела сказать, что все было не так, но затем заметила мерцание нового сообщения. «МНЕМОНИЧЕСКАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ: ОТКЛОНЕНИЕ», — гласило оно.

— О, — выдохнула она.

Этим псевдо-воспоминаниям потребовалось не намного больше времени, прежде чем всё пошло наперекосяк. Однако реакция Эрриэнжел оказалось неожиданной. Вместо боли, она почувствовала благодарность за дополнительные радостные эпизоды, которые ей подарило искусственное прошлое; за сверхурочное время, счастливо проведённое в руках Гэрсо-Яо.

Когда всё стало разваливаться, это произошло не так катастрофически, как в действительности. На этот раз Гэрсо-Яо не убил себя, когда она его оставила. Он воспользовался безответной страстью к Эрриэнжел, чтобы увеличить силу своих честолюбивых притязаний, и превратился в весьма мрачного молодого человека.

Тем не менее, её это утешило.

— По крайней мере, он не умер, — прошептала она, едва запись закончилась.

Мэмфис посмотрел на неё. Какое-то плохо скрытое чувство высветилось сквозь усталость. Отвращение?

— Эрриэнжел. Гэрсо-Яо всё ещё гниёт в своей могиле, жертва твоего детского каприза и собственной слабости. — Он показал на экран дрожащей рукой. — Ты думаешь это реально? Это просто правдоподобная ложь, и в данном случае не особо привлекательная. Или пригодная для продажи.

В ней закипел ответный гнев.

— Какое-то время нам было хорошо вместе. На самом деле — очень хорошо. А ты все выставляешь так, словно это ничего не значит. Ты ошибаешься, хоть наша любовь и не длилась вечно. Когда он умер, моё сердце долго болело… Думаю, и сейчас ещё болит. В любом случае, если тебе не понравилось то, как всё повернулось, почему бы не продолжить изменения?

Мэмфис покачал головой, теперь лишь печальный и утомленный.

— Я бы с удовольствием, Эрриэнжел, но, пройдя определённый порог, процессоры не могут справиться с нарастающей сложностью. Я могу перерисовать одно важное событие, иногда два, но после этого должен позволить событиям идти своим чередом. Если я этого не сделаю, процессоры перегрузятся, и начнут отклоняться от достоверности образов в модифицированной реальности. Несоответствия накапливаются, и, в конечном счёте, запись превратится в мультфильм.

— Понятно.

— Кроме того, — продолжил он, словно она ничего не сказала. — У меня нет иллюзий относительно собственных способностей и устройств. Я полагаюсь на субъекты в своём искусстве. Мне не нравятся те «фермеры любви», которые пытаются синтезировать своих персонажей из воздуха. Дёргая за ниточки, они заставляют вышагивать свои куклы на деревянных ногах, вкладывают слова им в уста, зажигают фальшивый свет в их мёртвых глазах. Какое высокомерие, верить в то, что их понимания любви достаточно, чтобы их бездарные выдумки обрели хотя бы некоторую красоту и получили хоть какой-то отклик. Искусство это наблюдение, а не созидание. Как кто-то может сотворить то, что прежде уже не было повторено триллион раз?

Его глаза полыхнули нездоровым блеском, и она отодвинулась подальше, снова испугавшись его.

— Нет, нет, — произнес он неожиданно мягким и низким голосом. — Прости. Мне не следовало быть таким резким. Если Гэрсо-Яо мёртв, так это всё та, юная Эрриэнжел, и она была всего лишь глупой, не злой. Я верю, что мы сможем извлечь уроки из наших ошибок, можем измениться и стать способными на любовь. — На мгновение она увидела его лицо обнаженным, не защищенным обычной броней вежливой уверенности. — Я должен верить в это, — прошептал он, опустив взгляд и сцепив руки на коленях.

Ей захотелось обвить его руками; утешить, насколько это в её силах… Но она не осмелилась, отчего лишь разозлилась на себя.

Между ними повисло молчание. Когда ей уже казалось, что она задохнется в нём, он заговорил:

— Через несколько дней мы попробуем снова. Боюсь, мой выбор эпизода оказался не верным. В следующий раз мы постараемся лучше. Я изучу все обстоятельства более тщательно, доберусь до самой сути. Мы справимся, я уверен.

Он похлопал её по руке, одарив своей удивительно привлекательной улыбкой.

Она согласно кивнула.

— А пока отдохнём. Если хочешь, я покажу тебе, что у нас здесь есть из развлечений.

— Пожалуйста, — попросила она, пытаясь скрыть желание продолжить своё общение с ним. Ей уже не тринадцать, чтобы тотчас падать в объятия пламенной страсти, но всё же… Было что-то интригующее в этом рабовладельце. Нет, поправила себя Эрриэнжел, не рабовладельце. На самом деле он художник, чьё творчество требует рабов. Она нахмурилась. А почему, собственно?

— Я могу спросить о твоей работе?

— Конечно. Хотя на некоторые вопросы я предпочёл бы не отвечать.

— О. Ну, можешь сказать, почему ты используешь рабов? Отчего бы не записать любовь свободных Граждан?

Он немного сконфужено улыбнулся.

— Есть причины, Эрриэнжел. Во-первых, экономическая рентабельность. Граждане потребовали бы слишком много за своё участие, а наше ремесло и так обходится не дешево. Кроме того, большинство людей смотрит на такие истории как на личную собственность, испытывая нежелание делиться своими переживаниями публично. Сам я этого не понимаю… Почему бы не прославить свои чувства? — Он вздохнул. — Будь у меня большая любовь, вселенная узнала бы об этом.

Эрриэнжел сказанное показалось странным. Он одинок? Непостижимо, если только его стандарты не слишком завышены. И, возможно, он не всегда такой милый.

Мэмфис продолжил:

— К тому же… Те, кто любят бескорыстно и сильно, зачастую бедны и некрасивы. Если я хочу продать свою работу, нельзя забывать, что у большинства моих клиентов нет желания испытывать страсти невзрачных ничтожеств. Жаль, конечно, — добавил он с грустью.

— Ясно.

Она положила голову ему на плечо, наслаждаясь теплом.

— И, наверно, вряд ли настоящие знаменитости позволят подобное вторжение в свою частную жизнь. Ну, или же они заберут себе всю прибыль.

— Ты понимаешь, — кивнул он уныло.

— Я угадала. Но почему ты используешь только воспоминания? Отчего бы просто не подыскать пару красивых людей, «которые могут любить», как ты выражаешься, и не свести их вместе?

Он странно посмотрел на неё, словно она произнесла что-то одновременно разумное и смущающее.

— В таком подходе есть сложности, — начал он осторожно. — Например, у тех, кто может любить, обычно уже есть партнер. Не думаю, что возможно по моему хотению поменять их эмоциональную привязку. Потом, любовь это на редкость нелогичная штука. Кто способен сказать точно, с чего начинается любовь, или почему выбирает того, кого выбирает? Отношения между объектами вполне могут вылиться во взаимное презрение. Это риск, дорогостоящий и ненужный.

— Ну, допустим.

— Это ещё одна причина, по которой я предпочитаю работать с рабами. Если они способны любить, то, как правило, разлучены со своими половинами.

— О.

Кажется, ему стало некомфортно, его улыбка увяла. Минуту длилось молчание.

— Скажи мне, Эрриэнжел, — прервал он, наконец, тишину. — Ты бы предпочла оказаться в борделе на нижних уровнях?

— Нет, — ответила она. Вопрос показался ей излишне жестоким, хотя выражение его лица осталось прежним.

Последующие дни прошли в симуляции нормальности. За это время Эрриэнжел почти поверила, что просто гостит у какого-то богатого, предпочитающего уединение, друга.

В сопровождении маленького меха, в роли ненавязчивого гида, она свободно бродила по обширному строению. Тем ни менее, многие двери остались для неё закрыты, и что за ними происходило, можно было лишь догадываться.

Множество часов она провела в великолепно оборудованном гимназиуме, используя тамошние тренажеры для приведения своего тела в идеальную форму. Физические нагрузки до изнеможения оказались превосходной анестезией для её страхов и печалей, позволяя почувствовать себя хоть ненадолго бездумно счастливой.

Поблизости обнаружился и автоматический эйфориум, но она никогда не интересовалась наркотиками. В конце коридора, идущего от гимназиума, за закрытой для неё прозрачной дверью, находился альков, заполненный разнообразными секс-игрушками — в том числе автоматонами самого диковинного вида, которые подмигивали и улыбались из своих ниш. По какой-то причине ей не хотелось спрашивать Мэмфиса, почему вход закрыт для неё. Возможно, она опасалась услышать что-то вроде того, что её нарастающая сексуальная неудовлетворённость полезна для их общей цели. Всю свою долгую жизнь Эрриэнжел никогда не

оставалась без дружеского участия, и сейчас это дополнительно угнетало её.

А еще, ворочаясь поздно ночью в одинокой постели, она не могла перестать думать о Мэмфисе и его мужской привлекательности. Её мысли невольно скользили от раздражения на него к всё большему вожделению.

Она часто посещала большой бассейн, наслаждаясь тёплой, пузырящейся водой, которая сама поддерживала её на плаву. Одним из любимых развлечений стал лабиринт с нулевой гравитацией, который перестраивал себя каждой раз перед множеством её попыток проникнуть в его сердце. Когда она медленно проплывала в невесомости по его разветвляющимся трубам, эмпатический пластик, из которого состояли стенки, волнами менял свой цвет и напевал тихие мелодии без слов.

Она выяснила, что её холоконтур можно настроить на канал «Видения Дистэна», этот неистощимый кладезь историй и мифов. Невзирая на нынешние обстоятельства, оказалось, что мелодрамы из жизни обитателей дрёмы[2] до сих пор сохранили свою притягательность для неё. Спустя сотни лет её былых любимцев сменили новые персонажи, но грёзы остались всё такими же яркими, что и прежде.

Она удивилась, узнав, что Мэмфис тоже поклонник канала, и они провели несколько совместных вечеров в её комнате под мерцание дрёмвизора. Он был неразговорчив, а ей казалось недостойным навязываться ему, так что посиделки проходили неловко. Но все веселей, чем смотреть одной.

Мэмфис предпочитал следить за действиями низинных чародеев, которые правили феодами на южной оконечности самого большого острова дрёмы. В настоящий момент красавица неизвестного происхождения и мотивов сеяла опустошение в королевских сердцах по всему региону.

Захваченный просмотром, Мэмфис, казалось, молодел душой и телом.

— О, да, — сказал он как-то ночью, сидя рядом с ней на диване. — Вот кто знает, что такое любовь. Если бы я только мог попасть туда и украсть одну такую.

На экране черноволосая, обнаженная дива возлежала на плаще на опушке леса. По её белой коже плясали солнечные зайчики, она пила зеленое вино и слушала юного принца, играющего на лютне. Из чащи зачарованно глазел огромный, страшный тролль; видимо, близилось очередное приключение.

Эрриэнжел почувствовала скрытую обиду. Вот же она сидит, по крайней мере, такая же красивая, как и эта девица из дрёмы, прямо под рукой и, возможно, даже заинтересованная. В прошлой

жизни она бы не замедлила продемонстрировать свои желания и обаяние, теперь же лишь пробурчала через губу:

— Ерунда. Её придумали дизайнеры дрёмы. Она же не настоящая, не как мы. Её поступки диктует её роль.

Мэмфис повернулся и оценивающе посмотрел на неё.

— Ты права. Порой я теряю перспективу. Продукты дрёмы слишком однозначны и поверхностны для моих целей. В конце концов, что это за любовь — без рефлексии?

Она пожала плечами, всё ещё дуясь. Он поднялся и ушёл, больше не вернувшись.

Подумав, она решила, что вела себя как дура.

За все время ей ни разу не встретились другие рабы. Ей уже казалось, что они с Мэмфисом одни в этом комплексе, когда её заблуждение развеяло столкновение с его братом.

Однажды, мокрая и голая Эрриэнжел возвращалась в свои комнаты из бассейна, на ходу энергично вытирая волосы. За очередным поворотом, стараясь лишь не упустить из виду робогида, она чуть не врезалась в Тэфилиса.

Полотенце все ещё мешало обзору, и на секунду ей показалось, что это Мэмфис. Но он шагнул вплотную и обхватил её талию. Его руки пошли вверх, обводя с боков фигуру и грудь.

— Весьма симпатично.

Она отступила назад, обертываясь полотенцем, вызвав у него приступ неприятного веселья.

— Вы, должно быть, Тэфилис, — сказала она, пытаясь скрыть страх.

— И никто другой!

Тэфилис поразительно походил на Мэмфиса, даже одеждой, но их физическое сходство, казалось, только подчеркивало разницу между ними. Грация движений, которую Эрриэнжел находила привлекательной в одном, в другом казалась паучьим проворством. Улыбка, такая открытая и непринужденная у Мэмфиса, у Тэфилиса стала гримасой злорадства — хотя её форма была той же самой. Она неверяще покачала головой. Возможно ли хотя бы вообразить подобные качества у Мэмфиса? Неожиданно, глядя на его близнеца, она оказалась в состоянии представить себе это.

Он снова засмеялся, но затем его ухмылка погасла, точно выключенная лампа.

— Я знаю, о чём ты думаешь. Тебе не понятно, как мы можем быть такими разными, мой брат и я. Открою тебе тайну: мы не так уж отличаемся друг от друга.

— О?

— Ага. Он много лепечет о любви… и хорошо изображает помешанного на своей идее-фикс, надо отдать ему должное. Но он просто идиот. Любовь… Что такое любовь? Это фантом. Что-то зыбкое, подверженное веяниям моды. Никто не знает, что это такое — кроме того, что любовь никогда не бывает одинаковой. Что это за чувство такое? Какие-то розовые сопли, годные только для утешения слабаков. Мэмфис столько лет старается поймать этого неуловимого зверя, но ему никогда не повезет в этом, никогда. Все, что он может, это нашарить в чьей-то памяти нечто отдаленно похожее, и заставить это выглядеть миленько.

Тэфилис саркастически фыркнул.

Она попыталась незаметно пройти мимо него, чтобы вернуться в относительную безопасность своих комнат, но он не пустил её, резко схватив за плечо.

— С другой стороны, я очень хорош в своем деле. Это и есть главное различие между мной и моим дорогим братом. Я всегда добиваюсь успеха, а он вечно терпит неудачу.

Тэфилис разжал хватку, но оставил на её спине руку, пальцами деликатно касаясь ключицы.

— Хочешь знать, что за страсть возделываю я?

Она судорожно кивнула, боясь вымолвить слово.

Он окончательно выпустил её и отвернулся.

— Ненависть, — тихо и проникновенно произнес Тэфилис. — Самая глубокая страсть. Самое стойкое чувство. То, что все понимают.

Уже уходя, он еще раз обернулся, и ей показалось, что его улыбка совершенно такая же, как и у его красавца-брата.

— Что, опять? Вот ты упёртый, брат. Хотел бы я иметь твоё рвение. Конечно, моя работа гораздо проще твоей, с этим я легко соглашусь.

Мэмфис привычно пропустил мимо ушей слова брата, сосредоточившись на исследовании памяти Эрриэнжел. Его задачей было выискать среди прядей воспоминаний правильное место для начала следующей попытки.

— А, ну ладно, — сказал Тэфилис. — Верю в тебя… В собственном понимании, ты опять ничего не добьешься, но твои чипы будут продаваться, как всегда — вот, что действительно важно. Скажи мне: когда ты признаешь поражение?

Мэмфис бросил взгляд на лисью физиономию брата, с трудом сдерживая ярость. Его трясло от отвращения к Тэфилису. Как можно надеяться взрастить любовь и веру в Эрриэнжел, если сам

полон ненависти и отчаяния? Он потёр руками лицо и глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться.

Тэфилис веселился.

Эрриэнжел никогда не встречала человека красивее, чем она сама. За единственным исключением — в лице Ондайн, которая являлась бесспорно более прекрасным существом.

Несмотря на выдающуюся внешность, Ондайн жила скромно, почти как последователь Мёртвого Бога. Её одинокое жилье, без компании друзей или любовника, находилось в непрестижном и опасном секторе Бо'эма.

Показная бедность являлась лишь прихотью. Она была ведущим мастером сопутствующего портрета на Дилвермуне, и такое положение дел длилось века. Сейчас её работа стоила столько, что её могли позволить себе только сверхбогачи. И они были вынуждены это делать, по единственной причине — показать свой статус.

Следствием этого стала неизбежность встречи этих двоих.

Фактор Ларимоун был высоким, массивным мужчиной. Возвышаясь над Эрриэнжел, он казался утёсом из тёмного камня, грозящим упасть на неё. Но стоило ему заговорить с ней, и его суровое лицо всегда смягчалось от слепого чувства.

— Есть важная причина, Эрриэнжел. В этом году… твоё детство закончится. Ты получишь все привилегии и ответственность совершеннолетия. И я хочу сделать тебе соответствующий подарок.

— Это слишком дорого, Отец. За ту цену, что она запросит, ты сможешь арендовать небольшую планету на год.

Честно говоря, её больше смущало то, что знаменитая художница заглянет в её разум, исследует самые потаённые мысли, возможно, внедрит сенсоры в головной мозг. Потом, обычно сопутствующие портреты заказывали зрелые, состоявшиеся люди; неординарные личности с выдающимися качествами, чей опыт богат и необычен. Как Ондайн сможет найти форму для её души, если самой Эрриэнжел не ясно, кто она и что представляет собой? Она еще слишком молода.

— Что мне делать с другим миром? — закашлялся смехом Ларимоун.

— Ну, ты что-нибудь придумаешь.

— Сейчас я очень занят, — ответил её полу-отец, и по его лицу проскочила тень, так быстро, что она почти не заметила её. Но странная взаимосвязь успела установиться в её разума: будто бы эта тень имеет некое значение, которого она не узнает, пока не

станет слишком поздно… Затем её мысли прояснились, словно их протёрли какой-то призрачной рукой.

— Хорошо, — сказала она. — Я согласна.

В тот первый вечер, Эрриэнжел была вовсе не уверена, что Ондайн ей понравится. Художница встретила её без особой теплоты возле шлюза безопасности, который вёл в её студию и резиденцию. Жестом она показала ларимоунским телохранителям, чтобы ожидали снаружи, пояснив приятным контральто с хрипотцой:

— Я не позволяю входить вооруженным существам.

Ондайн была женщиной неопределённого возраста, с тем внутренним нематериальным сиянием, которое часто отмечало людей, проживших многие столетия. Внешне она выглядела молоденькой девушкой, со стройным и угловатым телом. Одеждой ей служила обычная рубашка из грубой белой ткани. Какие-то предки, рождённые под жарким солнцем, оставили ей в наследство кожу полированного красного дерева — или, возможно, это была просто стильная краска. Конечно же, такая тёмная кожа шла ей необыкновенно, создавая эффектный контраст со светлым серебром её длинных, заплетённых в косы, волос, и идеально дополняя насыщенный янтарь глаз.

Её абсолютно спокойное лицо являло собой гармоничное взаимодействие граней: стремительной линии изогнутых бровей, выступающих скул, сочного рта, высокой спинки носа.

Внезапно Эрриэнжел обнаружила, что ошарашенно смотрит, открыв рот, и не может решить, в чём именно заключается сногсшибательная красота Ондайн. Она казалась слишком неконвенциональной, чтобы судить о ней по каким-то привычным стандартам.

Ондайн едва заметно улыбнулась, и её жестокое совершенство смягчилось более человечным очарованием.

— Проходи, дитя, — позвала она.

Эрриэнжел последовала по пятам, вдыхая аромат художницы: слабый мускус пустынных цветов и какой-то незнакомой пряность.

В студии Ондайн усадила её под люком в потолке, из которого полился поток синтезированного голубоватого света. Слепящая яркость плотно укутала Эрриэнжел, так что ей пришлось щуриться, чтобы увидеть действия художницы. А та стала ходить вокруг неё в задумчивом молчании, что-то примеряя и оценивая, иногда застывая на месте, забавно склонив голову набок.

Потянулись долгие минуты. Наконец, Эрриэнжел потеряла терпение:

— На что ты смотришь? Я думала, ты будешь записывать мой разум.

— Записывать? Так вот, значит, как ты представляла себе моё занятие?

Художница немного развеселилась, что ещё больше раздосадовало Эрриэнжел.

— Хорошо, но что тогда ты делаешь?

— Хочешь, я покажу тебе одну из моих галерей?

Прохладным, деликатным касанием Ондайн взяла за руку Эрриэнжел, и повела её к массивной двери в темном углу студии. Там она прижала ладонь к сканеру, и стальная плита скользнула в обшивку, открывая проход. Внутри холодного, безжалостного света стало больше.

— Мило, — сказал Тэфилис. — Отличный выбор, брат. В самом деле, мне не терпится узнать, что там дальше — а ты знаешь, как я пресыщен. Но у тебя будут проблемы с авторским правом. Попомни моё слово, Ондайн засудит нас.

Мэмфис отстранился от голоса брата, физически вызывающего у него ноющую боль, и сконцентрировался на работе.

Галерея представляла собой круглую комнату, метров десяти в диаметре. По стене располагалось сокровище, достойное императора — примерно тридцать бесценных полотен работы Ондайн.

Художница подвела Эрриэнжел к портрету напротив входа. За вычурной рамкой холополя невесело хмурился мужчина с пристальным взглядом.

— Узнаёшь его?

— Нет. Кто это?

Ондайн вздохнула.

— Номан Освободитель. Мёртв уже шесть сотен лет, по слухам. Я не особо верю им.

Эрриэнжел изучила портрет. Номану принадлежало суровое, замкнутое лицо, с множеством шрамов, в морщинах от возраста, но сохранившее ауру силы и непреклонной целеустремленности. Он изображался по пояс, в чёрной форме без знаков отличия. Позади него искусными волнами шли арочные окна со сценами из его жизни. На некоторых из них происходили сражение: в

космическом пространстве, во влажных черных джунглях, в изумрудном море на античных кораблях. Одна арка показывала, вероятно, детство Номана: по мрачной улице какого-то войграда катил отливающий металлом бронетранспортер, из щели бойницы выглядывал ребёнок с широко раскрытыми глазами. На других были и многотысячный парад, и холодная безжизненная пустыня, по которой брел пошатывающийся человечек, и усеянная кратерами поверхность какой-то лишенной атмосферы луны. В самом верхнем окне, сквозь буйные заросли огромных кристаллических растений пробирались крохотные Номаны, убивая друг друга в истерии насилия.

Художница коснулась переключателя внизу портрета, и Номан ожил, его глаза заметались между Ондайн и Эрриэнжел. Миниатюры позади него закишели в грозном движении, в глубине холополя расцвели мельчайшие брызги крови.

Номан остановил свой неожиданно страшный взгляд на Эрриэнжел, и ей спёрло дыхание. В черных, внимательных глазах портрета она разглядела холодное, тихое бешенство; что-то за гранью человеческого.

— Поговори с ним, — сказала Ондайн неожиданно настоятельно. — Он был, по-своему, выдающейся личностью, хотя так и не заплатил мне.

Эрриэнжел замялась. Она никак не могла придумать вопрос, который не опозорил бы её перед Ондайн. Наконец, ей пришла на ум одна уловка:

— Вам нравится ваш портрет?

Горько очерченный рот слегка дёрнулся в почти улыбке, затем в его страшных глазах промелькнул ряд сбивающих с толку выражений: отчаяние, печаль, ужас. Он яростно затряс головой, и его тёмные волосы разметались блестящим потоком, замедленным, как под водой, на заднем плане портрета.

— Нравится, — проскрипел Номан тонким голосом. — Нравится?

Он раскрыл рот, гораздо шире, чем смог бы немодифицированный человек — так, что его лицо, за исключением глаз, казалось, исчезло позади этого разинутого зёва — и закричал.

Звук мгновенно заполнил пространство и ударил по Эрриэнжел, физически подвинув её назад. Это был самый отвратительный звук, который она когда-либо слышала: дистиллированная мерзость, с силой буравящая уши грязными пальцами, раздирающая её рассудок в клочья.

Ондайн стукнула по переключателю, и холополе успокоилось.

Эрриэнжел замерла, не в силах видеть застывшее, перекошенное лицо. Художница успокаивающе обняла её.

— Было так плохо?

Её рука, там, где она касалась Эрриэнжел, была неестественно гладкой и плотной; на ощупь её кожа казалась тёплым мрамором, отполированным до блеска.

Эрриэнжел затрепетала, приятно смущённая:

— Нет, ничего.

Ондайн выпустила её, и, отойдя в сторону, остановилась перед другим портретом.

— В Номане укрылся великий безумец. Наверно, с моей стороны было сурово показывать его тебе. Его судьба была трудной и полной разочарований — бесконечное освобождение рабов. Еще ему сильно осложнила жизнь его катастрофическая известность. Не бери в голову; вот более приятный сумасшедший… и стильный, к тому же.

Этот портрет также изображал очень старого человека. Но если года Номана угадывались по его безразличию, то древность этого персонажа подавалась триумфально, как знак успеха; словно он жил со времён столь давних, что само достижение им такого огромного возраста стало подвигом. Сеть морщинок покрывала каждый квадратный сантиметр его кожи; увядший и сухой ландшафт, на котором господствующее положение занимали большие пурпурные глаза, сверкавшие потусторонней энергией. Странно, казалось, время не коснулось его широкого, сочно-красного рта. Картина дышала динамикой: развевался плащ из зелёного камнешёлка, огромные узловатые руки вцепились в нижнюю часть холополя, словно старик мог в любой момент выскочить в реальный мир. Позади него нитками самоцветов сплелись сотни крошечных окошек, показывая в каждом свою мини-сцену. Прежде чем Эрриэнжел склонилась достаточно близко, чтобы разглядеть, какие события в них показывались, Ондайн щёлкнула по тумблеру. Старик стремительно нагнулся, резко придвинув свое лицо к лицу девушки, на его несоответственно молодых губах заиграла диковатая усмешка.

— Ха! — воскликнул он радостно. — Что это, моя прекрасная Ондайн? Неужто новый клиент для ножа Лудильщика Плоти? А?

Эрриэнжел отпрянула, хотя холодный, сильный голос Лудильщика Плоти и не нёс в себе никакой угрозы.

Ондайн улыбнулась и отрицательно покачала головой:

— Нет, думаю, в данный момент её внешность вполне её устраивает.

Объёмное изображение старика вернулось в видимые

границы холополя и приняло презрительную позу.

— Как вульгарно, — сказал он.

Ондайн выключила его и перешла к портрету механоида, похожего на одного из чёрных лордов мира Джа. Его деяния показывалась в угловатых разрядах молнии: зигзагообразные окна заполняли примитивно нарисованные фигурки людей и животных, которые казались персонажами какого-то мифического сказания.

На следующем изображалась одна из короткоживущих Снега, гуманоид с вытянутым телом и неровными фасетами больших глаз. За ней радостно скалился безгубым ртом мутировавший человеческий ребёнок, покрытый плотной чешуёй поблескивающего хитина.

Ондайн больше не вызывала свои портреты к жизни. Она медленно двигалась по окружности галереи, по-видимому, забыв об Эрриэнжел, которая неуверенно следовала за ней, смущенная и заинтригованная.

— Тебе придётся остаться здесь на месяц или два, — сказала Ондайн. — Я требую по крайней мере этого от своих моделей.

Точка обзора отделилась от Эрриэнжел и закружилась вокруг двух женщин, так что портреты поплыли мимо во всём своём восхитительном разнообразии, ускоряясь, пока две стройные фигуры не оказались стоящими в вихре полу-мелькания лиц, и цвета и выражения не слились в единый человеческий[3] поток, бесконечно богатый и бесконечно изменчивый.

— Славно, очень славно, — сказал Тэфилис. — Как полагаешь, ведь где-то должен существовать портрет Ондайн? Вот классная идея: каким-то образом мы заполучим его, установим в жилище нашей девушки… и смотрим, как расцветает любовь. Это твой единственный шанс, братец.

И он гнусно захихикал.

Многие часы Эрриэнжел провела в окружении рубинового мерцания холокамер, с тяжелым устройством на голове. Прибор возбуждал кору головного мозга и заставлял её лицо принимать миллион различных выражений, пока мысли оставались в прохладной отстранённости. Очень странное ощущение, но зато появлялось время, чтобы спокойно понаблюдать за Ондайн.

Художница передвигалась по студии с неизменной грацией, всегда невозмутимая, элегантная, прекрасная, и все это в такой бессознательной, естественной манере, которая

приводила Эрриэнжел в восхищение. Все её друзья, с претензиями на красоту, выдвигали свою внешность в центр своего существования, так что при каждом взгляде их глаза говорили: «Я знаю — ты видишь меня».

Но только не Ондайн; она избежала ловушки, о которой Эрриэнжел прежде и не подозревала.

Превосходство художницы заключалось не только в этом. Постепенно Эрриэнжел лучше поняла её достижения как творца. Время от времени Ондайн разрешала ей побродить по галерее, которую показала при первой встрече, и Эрриэнжел начала понимать, какими удивительными объектами были эти портреты. Подумать только, Ондайн удалось постичь эти великие души настолько полно, что они невредимыми пережили века своего заключения в холополях… наедине со своими воспоминаниями о бурной жизни… Это казалось невообразимым.

Когда она поняла степень, до которой портреты были разумны и осознавали себя, то почувствовала холодок, и всерьез задумалась об отмене заказа. На что это будет похоже, вечно жить с синтетическим отражением самой себя — неважно, насколько искусно проработанным? Не попрекнёт ли однажды её портрет за то, что она позволила ему существовать?

Ей хотелось поделиться с Ондайн своими опасениями, но никак не получалось сформулировать их так, чтобы они не показались глупыми и детскими. Каким-то образом художница угадала её настроение. В своей маленькой, уютной кухне, за чашкой ароматного чая, она спросила Эрриэнжел:

— Тебя что-то беспокоит?

— Как-то страшновато… думать о ком-то, очень похожем на меня, пойманным навечно в паутине микросхем…

Ондайн улыбнулась.

— Ты удивишься, как мало моих клиентов задумывалось об этом. Тебе делает честь эта мысль.

— Но… разве это не ужасно, для портретов?

— Может быть. Это зависит от клиента. Некоторые прячут портреты в хранилище; они заказали их только ради статуса, и результат их смутил — или того хуже. У таких полотен действительно ужасное существование. Судьба других лучше. Например, мой портрет Эмбрина, знаменитого дизайнера дрём, написал роман, имевший относительный успех, и поговаривал со мной о собственном портрете. Однако у него не было денег.

Она впервые засмеялась.

Эрриэнжел заморочено потрясла головой. Концепция подобной карьеры оказалась для неё слишком странной.

— Так ты делаешь людей?

— О, нет. Мои портреты просто объекты созерцания; ты не должна думать о них, как о людях.

Однажды, после особо тяжёлого сеанса, пока сильные руки Ондайн массировали её, возвращая жизнь в ноющие лицевые мышцы, Эрриэнжел спросила:

— А чем ты заполнишь мои окна? Всё же, я так молода. Ничего интересного со мной пока не случилось. Я даже не могу понять, почему ты согласилась выполнить мой портрет.

— Ларимоун предложил мне внушительный гонорар, — пожала плечами художница.

— Правда? Только поэтому?

Эрриэнжел хотелось плакать от унижения. Ондайн улыбнулась.

— Ну, нет. Начнем с того, что ты возмутительно прекрасное дитя и… редкий шанс для меня запечатлеть простое очарование не позолоченной красоты. В действительности, я оправдываю это вызовом. Кому еще, как не Ондайн, попытаться создать великое произведение искусства из такого бесформенного материала?

Эрриэнжел прикусила губу и в тот день больше не задавала вопросов.

После того, как Ондайн закончила физическую запись, она поместила Эрриэнжел под мнемозонд, окунувшись в холографический океан её воспоминаний. Теперь уже Ондайн казалась измученной каждым сеансом, её лицо немного побледнело и осунулось.

— Я такая безнадежная? — спросила Эрриэнжел.

Ондайн потёрла виски.

— Нет. На самом деле, твоя жизнь оказалась более насыщенной, чем я ожидала. Это всегда так. Порой я думаю, что нашла бы те же страсти в самом ничтожном зануде, из самых тёмных коридоров. Возможно, все мы проживаем величайшие драмы в своих сердцах.

Мысль показалась Эрриэнжел восхитительно радикальной; впрочем, её восхищал любой аспект Ондайн. Вскоре она осознала свою страстную увлеченность художницей, отчего лишь стала больше проводить время в её тоскливом созерцании.

Всё было сложно. Прежде безотказный арсенал обольщения пасовал, тем более что её соблазнения часто заранее планировались. Но Ондайн практически жила в её разуме, никакие секреты не могли сохраниться втайне от неё, и,

следовательно, было невозможно никакое кокетство. Щекотливая ситуация, но и раскрепощающая… и постепенно ставшая казаться возбуждающей.

Находясь под мнемозондом, Эрриэнжел очень смутно воспринимала те воспоминания, которые в данный момент изучала Ондайн. Только какой-то запах, звук, мимолётный образ. Но когда художница вытащила из неё память о Гэрсо-Яо, её вновь посетило странное смещение всех чувств, словно она двигалась в слоях сна, будто переживала прежде ту давнюю печаль много раз. Когда закончился сеанс, её душили слезы, внутри засело что-то сумрачное, чему не было названия.

Ондайн держала её, молча поглаживая по волосам. Эрриэнжел рыдала, уткнувшись в неё, не в силах остановиться.

— Прости меня. Прости. Не знаю, что со мной, — сказала она, немного отдышавшись.

— Все хорошо. Я ковыряю старые раны, чтобы увидеть под ними алую кровь. Я должна; моё искусство требует… но тебе это вовсе не должно нравиться, — немного принужденно рассмеялась художница.

Эрриэнжел прижала голову к Ондайн, чей аромат вдруг показался ей невероятно сладостным. Она ощутила форму груди художницы под тонкой тканью блузы; шёлк и тепло её кожи на своей щеке.

В ней возникло желание поцеловать эту кожу; оно росло, пока она не смогла ему больше противостоять.

— Нет, — сказала Ондайн, мягко отталкивая её. — У меня нет интереса к подобным вещам. Если я успокоила тебя, это ничего не значит. Не больше, чем обычная вежливость.

— О? — Лицо Эрриэнжел вспыхнуло; она не могла припомнить, когда в последний раз её отвергали.

— Между нами ничего не может быть, Эрриэнжел. Я очень стара, и потеряла счёт любовникам, с которыми занималась любовью всеми возможными способами… тысячи раз, десятки тысяч. После такой практики, всё это становится трением, деятельностью заслуживающей внимания не более чем, скажем, вычесывание блох друг у друга. — Она грустно улыбнулась. — Боюсь, столетия стирают чувствительность к грубости.

— Понятно, — сказала Эрриэнжел, отодвигаясь.

— Нет, не обижайся. На самом деле, я очень привязалась к тебе… так неожиданно. Ты милая и умная; в тебе больше подлинного интереса к моему искусству, чем у кого-либо за долгие годы. В любом случае, будь во мне склонность заняться с кем-то сексом, у меня есть множество причин выбрать тебя. Если это как-то поможет.

— Я не обиделась. — Это было не совсем так, но Эрриэнжел всё ещё хотела Ондайн. — Когда портрет будет закончен, можно я останусь на какое-то время с тобой?

Художница слегка нахмурилась, и после долгой паузы сказала: — Почему нет? — словно её ответ не имел значения в настоящий момент.

— Чего я не могу понять, — сказал Тэфилис с картинным удивлением, — так это, что Ондайн нашла в этой глуповатой пустышке. Вот уж любовь слепа.

— У неё чистая душа, — пробормотал Мэмфис.

— Что за мистическая чушь.

— Возможно. С другой стороны, кто будет отрицать, что существуют души грязные?

Мэмфис глянул на брата и увидел, как раздражение перекосило его лицо.

— Правда? Ну, я уже могу сказать тебе, что это не сработает. У Ондайн могут пересохнуть губы от чувств к Эрриэнжел, но не наоборот.

Мэмфис пожал плечами.

— Любовь куда большее, чем влажные губы. Но я и не жду, что ты поймёшь это. Тебе всегда не хватало воображения, за исключением выдумывания пыток.

— Возможно, — сказал Тэфилис с сомнением. — Но помни: у наших клиентов воображения не больше, чем у меня.

Эрриэнжел продолжила погружаться в своё увлечение художницей. Первоначальный интерес вызрел в сильную привязанность, а затем она уверилась, что любит Ондайн — за яркую индивидуальность, своеобразный шарм, доброту, за захватывающие истории из её обширного опыта жизни на Дилвермуне. И за красоту, конечно, хотя её внешность и не производила больше такого ошеломляющего впечатления, как в первые дни.

Как-то, после позднего ужина, Эрриэнжел лениво поинтересовалась:

— Ты всегда была такой красивой?

— Ну, нет, — легко ответила Ондайн. — Ха, когда-то я была маленькой, коренастой замухрышкой с сальными волосами, с лицом, как у лягушки, которую мучают колики. Нет, только через годы мне удалось накопить достаточно средства, чтобы лечь под ножи различных пластических хирургов, знаменитых и не

очень. Я тяжко потрудилась, чтобы раскрыть свой внутренний ландшафт. И почему нет? Я творец, почему бы не переделать себя, если это доставит мне удовольствие?

— Наверно. Никогда не задумывалась о чём-то таком. Может быть, потому что я дурочка.

— Вовсе нет, и зачем тебе портить себя? Это чудо, что такая великолепная внешность досталась тебе без усилий. — Ондайн мягко коснулась её руки. — Я наслаждаюсь твоей красотой. Она убеждает меня, что иногда вселенная действует благожелательно.

— Мне нравится эта мысль. — Тут же Эрриэнжел задумалась. — Я вот что не понимаю. Если телесные удовольствия для тебя не важны, то какая разница, как ты выглядишь?

— Признаю, что моей философии не хватает последовательности. Но ты бы полюбила меня, если бы я всё ещё выглядела как жаба? — улыбнулась Ондайн.

Эрриэнжел засмеялась, в надежде, что последний вопрос был полностью риторическим. Двусмысленные слова Ондайн подстегнули её мечты о том, что однажды они вместе лягут в постель. Пока же, художницу, казалось, совершенно не волновали отлучки Эрриэнжел на ночь к прежним любовникам.

Наконец, портрет был закончен. Эрриэнжел ожидала, что немедленно увидит его, но, со странно отчужденным выражением на лице, Ондайн заявила:

— Нет. Если ты вступишь во владение портретом, я должна буду попросить тебя покинуть мой дом.

— Но почему?

— Таково моё правило. Не хорошо, когда между любящими друг друга слишком много искренности.

— Но мы не любящие.

— Разве? — Ондайн, казалось, опечалилась.

— Думаешь, я обижусь?

— Возможно. — Выражение Ондайн говорило другое, но Эрриэнжел не могла придумать иной причины такого требования.

— Хорошо, мне не важен этот портрет, — сказала она, почти в уверенности, что так оно и есть.

* * *

— Ну, и когда ты вмешаешься?

— Не сейчас. Тебе больше заняться нечем?

— Ничего интересного.

Тэфилис остался в студии, наблюдая поверх плеча брата, как крепнет привязанность между Ондайн и Эрриэнжел.

Это была трудная задача, драматически передать еле уловимый прогресс отношений, но Мэмфис справлялся, выбрав для показа нарезки мгновений нежности: взаимные улыбки, ласковые прикосновения, маленькие уступки, фрагменты уютных бесед, совместный приём пищи, разделённые мысли.

Каждый коротенький сегмент записывался в виде серии почти неподвижных изображений, создавая впечатление потускневших со временем, но всё ещё прекрасных воспоминаний, и всегда завершался долгим кадром молодеющих глаз Ондайн.

Прошёл год, за ним другой.

Эрриэнжел всё ещё желала Ондайн, но смирилась с её воздержанием. «Досадно, но — ладно», или примерно так говорила она себе. Два года, проведенные ею в доме художницы, оказались наиболее последовательно счастливыми на её памяти.

Со временем она попросила Ондайн обучить её основам мастерства сопутствующего портрета, но получила изящный отказ:

— Независимо от твоего таланта, ты всегда будешь в невыгодном конкурентном положении — а конкуренция будет, уверяю тебя.

Вместо этого художница поощрила её к поиску собственной формы. Вскоре Эрриэнжел остановилась на древнем искусстве Старой Земли — ювелирных изделиях из тонких проволочек и стекловидных материалов. К её удовлетворению, дело заспорилось. Никто из её старых друзей не мог создать ничего похожего без помощи концептуализаторов и синтезаторов, и было так приятно выделиться среди них… почувствовать себя особенной…

Но, в конце концов, она наделала достаточно колец для всех своих пальцев, а друзья перестали принимать её подарки с искренним энтузиазмом. Начала нарастать скука и жажда деятельности. В ней проснулось любопытство к своему портрету, который находился в запретной для Эрриэнжел галерее.

Никакие замки не преграждали ей путь, и, в один прекрасный день, чувствуя себя полностью защищенной из-за чувств к ней Ондайн, она решилась взглянуть на него.

Дверь открылась от одного прикосновения, и она вошла внутрь. Галерея оказалась переполнена холополями, которые

теснились на каждой поверхности. Несколько даже разместились на потолке, внушая опасение, их объекты вот-вот выпадут из-за рам.

Почти сразу же она поняла, что совершила ошибку.

Все мужчины и женщины, увековеченные в этих полях, были заурядными: непримечательные лица, банальные выражения, не стильная одежда. Событиям, в окнах на заднем плане, не хватало красок и жизненной силы. Серость. Ничтожества.

Она шагнула ближе, всматриваясь в ближайший портрет. На нём был изображён мужчина, с узким, желтоватым лицом и большими, соловыми глазами. Он доброжелательно улыбался, хотя и несколько бессмысленно. Позади него дюжина многогранных окошек показывали сцены из семейного быта, и в каждой участвовали мужчина и одна и та же женщина. Вот они в маленькой комнате вместе смотрят дрёмвизор. Вот плавают в бассейне с нулевой гравитацией. Постельная сцена. Женщина выглядела смутно знакомой.

С неприятным удивлением Эрриэнжел опознала в ней художницу, в её более раннем и менее привлекательном теле.

Она перешла к следующему холоизображению, и к следующему, а потом поняла, что её окружают бывшие любовники Ондайн.

Свой портрет она нашла в углу, там, где другие работы оказались подвинуты, чтобы дать ему свободное место.

За исключением обрамления из белой стены помещения, он не особо отличался от других. Просто изображение молодой женщины, прелестной, но во всём остальном обычной. Эрриэнжел затошнило. Во всех этих портретах, включая и её собственный, не было и следа того присутствия и энергии, которыми отличались работы в других галереях Ондайн.

Она подошла ближе, чтобы рассмотреть окна позади своего изображения.

Сразу бросился в глаза Гэрсо-Яо, висящий на шнуре. Она быстро перевела взгляд.

Наискосок от него был уже почти забытый парнишка. Их встреча произошла на шикарном сафари, посреди заросших джунглями руин, которые заполняли древнюю каверну в стальной оболочке Дилвермуна. На миниатюре они делили палатку, в упоении сплетаясь друг с другом.

Позднее парня убил мутировавший зверь.

Вот интересное панно… Кажется, оно показывало Ондайн и Эрриэнжел, которые вместе купались в огромной мраморной ванне — событие, которое ещё не произошло. На мгновение в ней разгорелось предвкушение. Но затем она решила, что Ондайн

добавила эту сцену только для вклада в композицию, ради художественного эффекта близости двух красивых тел.

— Что думаешь? — послышался низкий, хриплый голос хозяйки дома.

В испуге Эрриэнжел повернулась. Ондайн прислонилась к стене, скрестив руки, с лицом, закрытым непроницаемым выражением. Душевные страдания Эрриэнжел сменились кратким импульсом вины, а затем сильнейшей вспышкой гнева.

— Я не так впечатлена, как ожидала.

— Извини.

— Это галерея твоих домашних любимцев? — Эрриэнжел резким жестом указала на теснившиеся вокруг портреты.

— Когда-то все они были моими возлюбленными. — Ондайн обвела взглядом галерею, и внезапно нежная улыбка тронула её губы. — Не сердись. Большинство считает невозможным любить действительность, но это не относится ко мне. Я говорила тебя не смотреть.

— Понятно, — холодно произнесла Эрриэнжел. — Ну, что же. Теперь, полагаю, я должна покинуть твой дом, потому что нарушила твоё правило.

Ондайн печально покачала головой.

— Только если ты сама пожелаешь этого. Я слишком люблю тебя, чтобы отсылать сейчас.

Каким-то образом этот ответ оказался неудовлетворительным.

— Нет, — сказала Эрриэнжел. — Правило есть правило.

Мэмфис вернул зонд к моменту, когда Эрриэнжел решила пойти в запретную галерею.

Тэфилис покачал головой.

— Это бесполезно — ты добьешься только временного эффекта. У неё таймер на сердце. Она изначально не дотягивала до твоих стандартов… хотя я не уверен, что кто-то вообще может им соответствовать.

— Оставь меня в покое, — огрызнулся Мэмфис, обливаясь потом над контрольной панелью.

— Знаешь, брат, ты постыдно непоследователен. С одной стороны, ты выбрал — очевидно, из чистого снобизма и творческой гордыни — запись в высшей степени нешаблонных любовных отношений, а с другой, ты цепляешься за очень жёсткое личностное определение любви. Какой изощренный внутренний механизм позволяет тебе не замечать факты, лежащие на поверхности? — Тэфилис изобразил вежливое любопытство на

худощавом лице.

— Любовь такое же упёртое, косное чувство, что и ненависть. Чтобы ты там не думал.

— Конечно… ты рождён, чтобы воссоздать бессмертную любовь, да? Ну, у тебя ничего не получится. Никогда! Люди живут слишком долго — столь хрупкое чувство не в состоянии пережить столетия. — Хотя Тэфилис произнес это с глубочайшей убежденностью, Мэмфис не обманывался.

— Заткнись, просто заткнись, — с трудом выговорил он, настолько его переполняла ненависть.

Но Тэфилис был прав.

Когда Мэмфис появился у неё, чтобы сообщить об их неудаче, то выглядел, как после катастрофы: трагичная маска, на сером от усталости лице, медленные, осторожные движения, словно его грудь наполняло битое стекло.

— Я сделал всё, что мог.

— Уверена в этом.

— Хочешь посмотреть? — В Мэмфисе чувствовалась такая боль, что она не могла отказать ему — хотя испытывала скорее опасения перед просмотром, чем любопытство.

Когда запись дошла до места, где Ондайн запретила ей смотреть на портрет, Эрриэнжел ощутила сильнейшее запоздалое сожаление.

— Наверно, она боялась, что я обижусь.

— Возможно, — покачал он головой.

— Что же тогда?

— Думаю, она хотела защитить тебя. Чтобы ты никогда не смогла узнать её так же, как она тебя. Она была слишком стара, а ты очень юна.

Взгляд Мэмфиса не отрывался от экрана. Эрриэнжел украдкой взглянула на него — несмотря на видимую молодость, сейчас ему можно было дать тысячу лет. Это навело её на неожиданную мысль о том, как долго он уже в своём Саду Страстей.

Когда запись подошла к своему печальному финалу, Мэмфис откинулся на спинку дивана и закрыл глаза.

Она зачарованно проследила за тем, как его дыхание постепенно успокаивается и становится глубже. К её изумлению, он заснул.

Во сне к нему вернулась красота. Его лицо разгладилось, стало простодушным, что почему-то растрогало её.

Ей самой совсем не хотелось спать.

Незаметно прошел час. Внезапно она обнаружила, что любуется Мэмфисом, склонившись над ним, в состоянии сильнейшего возбуждения. В ней мелькали мысли о его доброте и обходительности, его интеллекте и сострадании. Эрриэнжел посмотрела на его сильные, изящные руки, свободно раскинувшиеся на коленях, и ей захотелось узнать, как бы он дотрагивался до неё, будь они любовниками.

Вздохнув, она тихонько прошептала:

— Мне не впервой соблазнять спящих мужчин, — и разделась.

Стоило ей положить руку ему на плечо, как его глаза сразу открылись. На секунду, ей показалось, что в нём нет замешательства, обычного при внезапном пробуждении, что он полностью контролирует ситуацию: её прикосновение, её обнажённое тело, стук её сердца.

Но Мэмфис взял её за руку и повёл в спальню, и Эрриэнжел забыла обо всём на свете на долгое время.

После, нежась в его объятиях, она спросила его, почему он так долго добирался до её постели.

— Я считал, что у меня есть веские причины. Как бы мне удалось должным образом разведать твоё сердце, будучи влюблённым в тебя? Я пытался сохранить художественную объективность. А что ещё важнее… ты была моей собственностью… плохое начало для любви. Я не хотел, чтобы ты думала о себе, как о рабыне. Я не хотел отношений из покорности. — На его лице всё ещё сохранялся отблеск той неприметной невинности, привлёкшей её, когда он спал.

— Я по природе бунтарка, — засмеялась она.

Внезапно он помрачнел.

— Тэфилис сказал, что у тебя таймер на сердце.

— Вот как?

— Это правда?

Она поднялась, откинув простыни, и подошла к бару, где трясущимися руками наполнила бокал зелёного вина.

— Если у меня и есть таймер, то он ещё не запущен, — сердито выпалила она, вопреки желанию успокоиться.

— Прости, — грустно произнес Мэмфис. — Я разочаровывался… много раз.

Его вид был таким несчастным, таким ужасно подавленным, что её возмущение рассеялось. Она подошла к нему, предложив бокал. Пока он пил, её пальчики пробежались по его литым мышцам на груди.

— Но в чём проблема? Ничего ведь не изменилось. Я всё ещё принадлежу тебе.

Он покачал головой.

— Нет. Я не могу владеть женщиной, которую люблю. Завтра же я погашу твой контракт с компанией и выкуплю твоё Гражданство. — Он по-мальчишески ухмыльнулся. — Тэфилис возненавидит меня.

И, хотя сперва она не могла поверить в это, её неволя закончилась.

На следующее утро Мэмфис стоял рядом, в то время как медюнит восстанавливал её татуировку Гражданства. Когда с этим было покончено, Эрриэнжел вновь стала свободной женщиной Дильвермуна. Счастье окрыляло её — пока она не заметила траурное настроение Мэмфиса.

— Что случилось?

— Ты ведь теперь покинешь Сад? Могу одолжить машину. — На его лице было покорное ожидание.

— Пойдёшь со мной?

Его глаза блеснули, он неуверенно улыбнулся.

— Если хочешь. На какое-то время.

— На какое-то время, — согласилась она. — Посмотрим, как пойдёт.

Их совместное время вышло замечательным.

Выяснилось, что часть её личного состояния осталась нетронутой крахом Ларимоуна и местью Эрбрэнда. Она сняла квартиру в лучшем месте Бо'эма.

Там они и поселились. Вдали от брата и Сада Мэмфис ожил, перестав выглядеть таким загнанным. Периодически он возвращался к себе по делам, покидая её на неделю или две — но эти расставания лишь делали их воссоединения слаще. Помня о своей ошибке с Ондайн, Эрриэнжел никогда не спрашивала его о работе, никогда не просила показать готовые результаты творчества.

В его отсутствие, её иногда занимали вопросы: не служит ли ему сейчас источником вдохновения новая рабыня? Не слишком ли та хороша собой?

Но он всегда возвращался, с глазами нежными от любви.

Её жизнь казалась совершенной. Дни текли, и каждый из них являлся золотым, оставляя за собой только чудесные воспоминания.

В действительности, это немного смущало её. Она почему-то не могла в точности понять, каким образом её существование

стало таким гладким, лишённым сложностей, свободным от мелочного быта. Её жизнь превратилась в почти что в пунктирную линию только из красивых и волнующих моментов, сияющую и прямую лестницу в небо, не испачканную пошлой повседневностью. Отчасти она объясняла это контрастом со временем рабства… и тем, как артистически Мэмфис посвятил себя поиску радости для неё.

Он оказался очень хорош в том, как сделать её счастливой. Возможно, порой думала Эрриэнжел, ему удалось узнать её даже лучше, чем она сама знала себя — настолько он умело направлял её, минуя печали. Каким-то образом, у него всегда получалось заставить вещи выглядеть иначе.

Прошёл год, прежде чем в ней наросло беспокойство.

Она никогда не прекращала любить его, но окончательно поняла, что нуждается в переменах.

В постели, после прекрасного секса, Эрриэнжел сказала ему спокойно обдумать это.

Ответный взгляд заставил Эрбрэнда казаться всего лишь капризным мальчишкой.

Все её чувства необычно исказились, мир смазался.

* * *

— Опять всё пошло не так, брат? — спросил сияющий Тэфилис. — Ах, ах. Ну, повезет в другой раз. Я пришлю тебе подтверждение, чтобы ты смог погасить свою ставку.

На грани слышимости Мэмфис пробурчал проклятье, отчего его брат вспыхнул злостью, как сухой порох.

— Когда-нибудь, Мэмфис, ты должен набраться смелости и сделать все сам, не используя все эти милые чистенькие машины. Хотя бы раз тебе необходимо лично потереться с жертвой своей ханжеской плотью. Однажды ты должен вонзить нож собственными незапятнанными ручками. — В Тэфилисе сейчас сквозило искреннее презрение.

Мэмфис проигнорировал его. Молча выключил оборудование и удалился.

Внезапно Эрриэнжел вернулась в свои комнаты в Саду

Страстей. С лица поднялся колпак зонда, распустились удерживавшие её ремни.

Она была одна.

Вначале её не покидала уверенность, что это всего лишь страшный сон или, возможно, болезненный бред. Она присела на кушетку, дожидаясь окончания кошмара. Но, к моменту появления Мэмфиса, ей удалось сделать правильный вывод.

— Ты не постучал. — Её эмоциональное состояние находилось вне гнева и страха.

— У меня только одно, — сухо произнес он. — Я пришёл сообщить, что должен передать тебя в ведение моего брата. — Его выражение мало походило на человеческое: лицо бездушной машины, с вытиснутой на нём карикатурой на изнеможение и разочарование.

Она медленно кивнула.

Он чуть замешкался, будто собираясь еще что-то сказать, но затем повернулся и вышел.

При виде Тэфилиса, который даже одет был одинаково с братом, она на секунду почувствовала себя попавшей в дурацкую психодраму — из тех, в которых монструозный близнец оказывался скрытой тёмной стороной симпатичного персонажа. В конце концов, ей никогда не приходилось видеть их вместе. Но нет. Это невозможно. Только что Мэмфис умирал от усталости, а Тэфилис козликом проскакал по комнате. Его волосы казались наэлектризованы зловещей энергии, лицо пылало, глаза сверкали. Совсем иная улыбка — насмехающаяся, едкая, торжествующая.

— Эрриэнжел, теперь моя очередь.

Он защелкнул ошейник вокруг её горла и рывком вздёрнул её на ноги.

— Пошли. Будет не так уж плохо. Верно, я не как мой брат… Но, с другой стороны, ты хотя бы увидишь моё лицо, когда я изнасилую тебя.

Несмотря на всё различие между братьями, что-то в своеобразии момента до жути напомнило ей то мгновение, когда Мэмфис решался на её покупку… когда он спросил: «Ты можешь любить?»

Эрриэнжел собралась с духом. Она прошла через порабощение и свои воспоминания — переживёт и это.

— Что произойдёт, если я не смогу угодить тебе лучше, чем твоему брату?

— Тогда мне придется продать тебя.

Слова прозвучали равнодушно, без угрозы, но в глумливой улыбке было полно злобного обещания.

— О.

Его губы растянулась еще шире, отчего Тэфилис вовсе перестал походить на брата.

— Теперь я должен задать тебе важный вопрос, Эрриэнжел.

— Какой?

— Ты можешь ненавидеть?

— Да, — отрезала она с мрачной уверенностью, и ответила на его улыбку своей, такой же мерзкой.

notes

Примечания

1

В оригинале: Howlytowns. Аналог гетто для не граждан и черни на Дилвермуне.

2

От dream (мечта, сон). Мир, созданный воображением; видения находящихся в особом трансе дизайнеров. Зрители могут смотреть дрёму как во сне, так и наяву. Подробнее в рассказе «Блистающий глаз».

3

Во вселенной Дилвермуна человечество колонизировало Пангалактику, адаптируясь к местным условиям. Предполагаю, что все герои портретов Ондайн — отдаленные потомки людей с Земли.